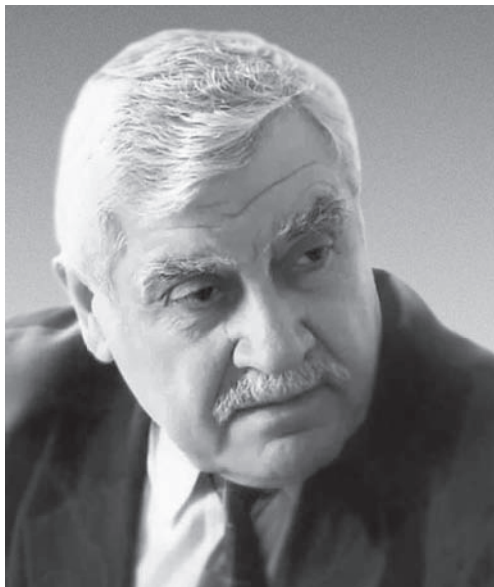

Эту книгу посвящаю светлой памяти погибших
в Великой Отечественной войне,
в подарок живым на сегодня ветеранам войны.

*Салих Гуртуев – сын офицера Советской Армии
Гуртуева Султанбека Караевича*

A handwritten signature in black ink on a white background. The signature is stylized and appears to be the initials 'СГ' followed by a long horizontal stroke.

У этого огня грелись внуки павшего в боях за свободу
нашего Отечества офицера Советской Армии Гуртуева Султанбека.
Теперь его правнук, 7-летний Азрет Гуртуев, впитывает тепло
в том числе и своего прадеда

Салих Туртцев

**Ребенок
греется
у Вечного
огня**

ISBN 978-5-00066-062-1

© С. Гуртуев, 2015

© ООО «Тетраграф», 2015

РЕБЁНОК ГРЕЕТСЯ У ВЕЧНОГО ОГНЯ

Ребёнок греется у Вечного огня,
У сердца неизвестного солдата...
Наверно, в стуже фронтового дня
Так у костра он грелся сам когда-то.

Вокруг деревья ветви свои гнут
И листьями задерживают ветер,
Чтоб не мешал он Вечному огню
Ребёнка согревать на белом свете.

Быть может, сердца жаркого огонь
Пробился вечным факелом сквозь землю
Иль огненную раню его
Те дни пылают над небесной синью.

«Детей спасти на свете надо мне», –
Сказал он, уходя в пожар огромный.
Хотел он видеть счастье на земле,
Его горячей кровью обагрённый.

Тот, кто погиб в ревущем смерче дней,
Лишь об одном мечтал в огне Отчизны:
«Спасём живых и будущих детей
Своею смертью мы во имя жизни!»

Погибших всех в душе своей храня,
Должны беречь огонь мы этот свято...
Ребёнок греется у Вечного огня,
У сердца неизвестного солдата.

Перевод с балкарского Анатолия Передреева

ПОГИБШИМ НА ВОЙНЕ

Вы те, которым ещё долго-долго
Жить надо бы под звёздами страны,
Но рано ваша кончилась дорога,
Мечта ослепла в пламени войны.

Не наглядевшись в глубину их, были
Оторваны вы от любимых глаз.
И мы сейчас глядим в глаза любимых,
Что и увидеть не успели вас.
Оставили стихи, не дописавши,
На полпути вы, как сердца свои.
Хотели б мы стихи продолжить ваши,
Но сможем ли писать мы так, как вы?

Вы на конях, что искрами сверкали,
На свадьбах появлялись бы не раз.
Сумеем ли скакать, как вы скакали?
И скакунов тех нет теперь у нас.

Душой своей вы все в грядущем были,
Но не успели песни завершить.
Сумеем мы любить, как вы любили?
Сумеем жить, как вы умели жить?

Перевод с балкарского Анатолия Передреева

КАК СНЫ ПРИХОДЯТ ПАВШИЕ ОТЦЫ

Как сны, приходят павшие отцы
Ночами в наши дремлющие сакли...
Всё те же лица. И глаза остры,
Как защищавшие Отчизну сабли.

Как жаль, что их не встретишь наяву,
А то бы им, ожившим и весёлым,
Пахать бы землю и косить траву,
Скакать в седле по обновлённым сёлам.

Но не сочтёшь в моём краю смертей,
Не вспомнишь всех, пропавших в чёрном дыме...
Во имя нас, во имя нас, детей,
Отцы ушли из жизни молодыми.

Теперь мы сами все детей растим,
Теперь мы сами думаем о детях,
И мы, конечно, очень не хотим
Являться детям только в сновидениях!

На пастбищах, холодных от росы,
И на полях проходят наши будни...
Мы просто-напросто счастливые отцы.
Да, мы отцы! И если надо будет –
Всё также сабли у отцов остры...

Перевод с балкарского Инны Кашежевой

В ЛУННУЮ НОЧЬ

Мне двадцать лет исполнилось. И ночью
Луна плыла сквозь голубую мглу, –
Как будто ртуть катилась по столу.
Прислушался, а сердце песни хочет.

Луна глядит на звёздную отару
У края тучки, как чабан с бугра;
Подставь ладони – и она, щедра,
Тебе хрусталь преподнесёт в подарок.

Она лучами тонкими, косыми
Строку стихов у многих залила,
В балкарскую поэзию вошла,
Воспетая в простых стихах Кайсына....

Мне кажется, и я луне обязан:
Она мне дарит целых двадцать лет
Свой – для поэтов и влюблённых – свет,
А я о ней не написал ни разу.

Прими мой стих. Меня ты охраняла,
Когда я был беспомощен и мал.
Ты тьму гнала, чтоб я спокойно спал,
Укутан в лунный свет, как в одеяло.

Ты знала, потому и тьму гнала ты, –
Чтоб я спокойно жил, спокойно спал,
Смертельный бой в то время бушевал,
И шли в крови бессмертные солдаты.

Тебе бы озарять не реки крови –
Глаза влюблённых, слушать гул сердец,
Себя для нас не пожалев, отец
Остался тоже там, на поле боя.

Прекрасен мир под мирною луною,
Но память болью до сих пор полна,
В почётный караул встаёт луна
Над скорбными могилами героев.

Во имя тех, кто пал в бою сражённый,
Подлунный мир, не дай греметь войне,
Чтобы стихи писались о луне,
Лишь как о спутнице одних влюблённых
И как мечта о лунной целине.

Перевод Евгения Яшкина

НЕ СТРЕЛЯЙ В РЯБИНУ НИКОГДА

Сели у ручья. Молчали горы.
В дальнем далеке Эльбрус белел.
Паренек позвякивал затвором,
Меткостью похвастаться хотел.
И, увидев гроздь рябины спелой,
Он сказал, что выстрелит в нее...
Но товарищ возразил: «Не дело...
Опусти ружье...
Не стреляй, пожалуйста, в рябину,
Алых брызг судьба была полна...
Видимо, война глядела в спину
Человеку, шла за ним война
Алым снегом, алою бедою,
Тишиною алого следа...»
Человек склонился над водою:
Не стреляй в рябину. Никогда.

Перевод Владимира Приходько

НА БЕРЕГУ ДОНА

Борису Чабдарову

Мы, видевшие горных рек кипенье,
Слетающих с заснеженной гряды,
Глядим на Дон, на плавное теченье
Почти зеркальной, медленной воды.

Какою тайной тишина объята,
Где лебедино белы корабли?!
Какие здесь прекрасные ребята
Ушли на Дно – как в землю полегли.

И сколько Дон здесь день и ночь ни шепчет
Поросшим свежей травкой берегам,
Он не расскажет обо всех ушедших,
Полёгших, но не сдавшихся врагам.

Мы знаем это... И пусть так на свете
Спят все наши враги среди тишины,
Как, вот уж скоро полстолетья, эти
Ребята, не пришедшие с войны.

Всех, поимённо, нет на обелисках.
Но сколько лет, наперекор войне,
У каждого из нас среди самых близких,
В родне, у всех соседей по стране,

Их имена живут, не умирая –
Их дети откликаются на них
И дети их детей!.. Как нету края
Донским просторам – смерти нет у них!

Мы тоже носим имена ушедших,
Всей жизнью нашей чтимых, имена,
Которые всё шепчет, шепчет, шепчет
То тишь донская, то её волна.

Мы тоже б так за эту тишь стояли,
За грохот рек, родных нам навсегда...
Глядим на Дон... Синеют в дымке дали...
Почти зеркальна, медленна волна.

Перевод Даниила Долинского

ОСТАНОВИСЬ!

Кериму Отарову

Немногочисленно было на бульваре.
Шел длинный дождь. Замешивалась мгла.
Толпилась молодежь на тротуаре,
Автобус задержавшийся ждала.
Бежали струйки, наполняли бровку,
Смывали с мостовой дорожный прах.
Мужчина без ноги, на костылях,
С подростками стоял у остановки.
Вот и автобус, втиснулись толкаясь.
Дверь хлопнула. И только ветеран
Остался, неподвижный, словно аист,
И капельки со лба не вытирал.
О чем он думал? Вспоминал окопы?
Друзей, которых он похоронил,
Пока прошел с боями пол-Европы?..
Негодовал в душе?.. Или грустил?..
Его лицо покрылось мелким потом.
А может, это дождь на лбу дрожал?
Автобус, скрывшийся за поворотом,
К соседней остановке подъезжал.
Дождь моросил – навязчиво, уныло,
Промозглый мрак над улицей навис.
О, неужели это вправду было?
Остановись, ты едешь по могилам,
Остановись, шофер,
Остановись!

Перевод Владимира Приходько

ГАРСИЯ ЛОРКА

Камень с горы сорвался неловко,
Птица взметнулась, дрогнул прут.
Смотрите: скручены руки у Лорки,
Скручены руки у Гарсия Лорки,
Гарсия Лорку на смерть ведут.
А на душе его ясно и росно,
Лоб у него, как небо, высок.
«Прощай, Гренада...» – сказал он просто.
«...Я уйду», – сказал он просто,
Как будто в гости шел на часок.
«Прощай, Гренада...» – чего уж проще;
«...Я уйду», – сказал, как спел...
Шел он по апельсиновой роще,
По молодой апельсиновой роще,
Светел и смел был, светел и смел.
...В море поэзии легкая лодка,
Оранжевый парус ветром вздут.
Спасибо, Гренада, тебе за Лорку,
Спасибо тебе за Гарсия Лорку.

Перевод Владимира Приходько

БЕЛАЯ БЕРЕЗА

Белая береза над обрывом.
Чудится немой укор и боль
Мне в ее молчании тоскливом.
Белая береза, что с тобой?
Топором изранила ей тело
Чья-то беспощадная рука.
Белая береза уцелела,
Выжила... Но рана глубока.
Капают на камни капли...
Полдень сушит капли – слезы без вины.
Знаешь, белокорая, я вспомнил,
Как мужчины не пришли с войны.
Что могло сравниться с сиротливым
Горьким горем наших матерей!
Белая береза над обрывом.
Слезы женщин в памяти моей!
Белая береза молча плачет,
И – у боли, ноющей в плену, –
Новую не ждёт она весну
И не верит в новую удачу,
Словно овдовевшая в войну.

Перевод Владимира Приходько

ОБРАЩЕНИЕ К ОТЦУ

1

Пришел в мой сон, как прежде приходил
Домой с работы, и, как все ребята,
Я вновь тебя до двери проводил,
Как на работу провожал когда-то.

С тех пор тебя я каждой ночью жду:
Какая бесконечная работа
Тебя там задержала на беду?!
Хоть знаю, не придешь, а жду чего-то...

На кончике остались языка
Слова, что не успел сказать тебе я...
В пути и я!.. Дорога далека...
Но сверстников моих я не слабее!

Ты, помню, оставлял записки нам:
Куда уходишь и когда вернешься...
Теперь тебе пишу записку сам
И представляю, как ты улыбнешься,

Когда прочтешь... Но знаю – не прочтешь...
Она от слез или от рос наволгла...
Во времени, шуршащем словно дождь,
Лежать ей на столе придется долго.

Дождь времени смывает все следы
В своих больших заботах бесконечных.
След радости легчайшей, след беды
На травах, на песках, на скалах вечных –

Все канет, все уйдет в небытие...
Но – нет: ты повторился в мире сыном...
Отец, я продолжение твое,
И над тобой дождь времени бессилен!

Прости – не дал тебе я в молодых
Побыть годах, произведя в «дедули»,
Как называет дедушек чужих
Внучонок твой... Уж и мои задули

Шальные ветры – снегом ослепя,
Виски мне остужают непреклонно...
Отец, а твой внучонок весь в тебя –
У древа рода зеленеет крона!

Во сне моем твой внук, хоть глуп и мал,
К тебе тотчас же потянулся, рад он...
Невестку ж видеть ты не пожелал:
«Зачем ее тревожить, сын?.. Не надо...

Достаточно... Уход мой навсегда
Видала мать твоя, – сказал ты веско, –
А твоего ухода – никогда
Пусть не придется увидеть невестке!..»

И медленно, как будто бы боясь
Обидеть нас, ушел, не оглянувшись...
«Отец!.. Отец!..» Но явь оборвалась,
И, содрогнувшись, я опять проснулся...

2

Отец, отец, как нелегко идти,
Когда сыны становятся отцами,
И сами в некий час, на полпути,
Прощаются со многими мечтами!

Все в сторону гляжу, в какую ты
Ушел в последний раз: как не хватает
Тебя, хоть средь житейской суеты
Твое плечо мне память подставляет.

Я жизнь удобной делать не мастак,
Живу я, как могу – открытым, ясным,
Обтесан злыми языками так,
Что впору стать безвольным и безгласным.

Зимой на белый снег, на зелень трав
Весною глядя, вижу пред собою
Тебя, отец: о, как же был ты прав,
Что жизнь подобна вечному прибою!

Тебя я старше скоро стану сам,
Прости, отец, но так угодно жизни.
Не воздевать ладони к небесам.
Не ты ль учил: «Коль трудно – зубы стисни,

Но не теряйся пред лицом беды!..»
Отец, как ты, я – продолженье в сыне...
Дождь времени смывает все следы,
Но память о тебе он смыть бессилён!

Перевод Даниила Долинского

ВТОРОЕ ОБРАЩЕНИЕ К ОТЦУ

1

*Редкими птицами письма твои долетали.
Дымом и сыростью стылых окопов
Пахли они в дрожащих бабушкиных руках.
Первая трава пробивалась сквозь мерзлую землю.
Свой первородный цвет силилось обрести небо.*

«Что-то невесел, как будто бы кем-то обижен
Сын мой на снимке, недавно полученном мною...» –
Так ты писал и наказывал бабушке, чтобы
Были со мною поласковее родные.
Слушая письма твои – словно слыша твой голос,
Думал я: что из того, хмур я или же весел?

От моего невеселого вида на снимке
Быть не должно для страны никакого ущерба.
Ты же, отец, из-за этой пустячной причины
Хуже не должен вершить свое ратное дело...
Был для меня ты на долгой тяжелой работе –
Издrevле горцы войну почитали нелегким
Делом мужским, неззорным для тех, кто папаху
В силах надеть без помощи посторонней.
Как мне хотелось, чтоб ты поскорее вернулся
С этой работы! Но было загадано кем-то:
Чтобы страна не покрылась кромешною тьмою,
Свет и тепло твоей жизни ей необходимы.
И без раздумий ты отдал стране свою жизнь.

2

Меня и сегодня спрашивают нередко:

– Что ты невесел?

– Отчего хмур? –

*Пятьдесят лет и пятьдесят зим прожил я уже
на этом свете,*

Выросли дети мои, но и сегодня

Ты необходим мне, отец!

Как мне хотелось бы груз свой душевный облегчить
Долгой неспешной вечерней беседой с тобою,
Чтобы моя неизбывною ставшая хмурость
Не помешала бы вдоволь не видевшим света.
С кем я могу разделить непомерную тяжесть
Боли, рожденной негaданным Афганистаном?
Прошлой войны еще боль не утихла поныне,
Прошлой войны ветераны не все обогреты,
А на бетонные полосы аэродромов

Ночью ложатся распятия «черных тюльпанов»*.
Если сегодня об этом смолчу я, то как же
Новому утру в глаза посмотреть я сумею?
Кто, как не ты, землепашец, возвращенный землею,
Мог бы понять неотступность бессонной тревоги,
Видя, как разум мятущегося человека
Вечное небо ракетами сплошь издырявил
Так, что сквозь черные дыры клубящийся хаос
Неотвратимо грозит сокрушить все живое.
Кто, как не ты, безоглядно бы выступил против,
Видя, как лава бездарных ненужных застроек
Уничтожает раздолья ухоженных пашен
Хуже, чем селей немислимые потоки.
Счастье, отец, что ты варварство это не видишь –
Ты так любил дух земли и созревших колосьев!
Внук твой, в котором черты твои неистребимы,
Сын мой – Расул,
Может землю пахать, как орадай,
Может он также стремительные ракеты
Точной рукой направлять в близким ставшее небо.
Дело свое он, как ты, знает крепко и твердо –
Связь родовая с годами в горах не тоньшает.

3

*Те, кто хорошо знали тебя,
Считают, что мы с тобой очень похожи, отец.
Что они имеют в виду?
Внешность?
А может быть, душу?*

---

* Так называются самолеты, привозившие на Родину погибших в Афганистане советских солдат.

*Никогда я не слыхал худого слова о тебе, отец.
Никто не произносил слова, порочащие тебя.
Как я хочу в этом быть схожим с тобой!*

В роще ольховой за неугомонной рекою,
На полоненных орешником склонах пологих
Вижу следы твоих ног и вдыхаю тот воздух,
Что даровал тебе вечную силу земную.
Свежим и чистым было твое дыханье,
Легкими были шаги твои, добрыми – руки.
Не оттого ли земля сохранила поныне
Шорох шагов на поросших орешником склонах,
И до сих пор между листьев гуляющий ветер
Носит твое неисчезнувшее дыханье?
Не оттого ли не в силах рубить я деревья,
Не оттого ли к земле припадаю с любовью?
Так уж ведется веками в Балкарии нашей:
Связь родовая с годами в горах не тоньшает.

4

*Отец, не обделен я врагами на этом свете.
Кровный враг мне всякий насилующий землю,
Истребляющий леса и рощи,
Заставляющий реки течь новыми руслами
Вопреки мудрой природе.
Кровный враг мне – лебезящий перед сильным
И топчущий слабого.
Оглядываюсь вокруг и вижу, что в силе еще
Мозгучие службисты, не обремененные избытком
мозговых извилин,
По двадцать лет занимающие высокие кресла,
В фаворе их лизоблюды, карабкающиеся
к кормушке,*

*Процветают их родственники,
И жены их вершат судьбами людскими,
Раздаривая государственные награды,
Как будто предметы из собственных косметичек.
Но меняются времена!
И кажется мне, что вернутся к человеку Честь и
Достоинство! Должны вернуться!*

Как ты за честь человека боролся бесстрашно!
В тридцать седьмом, отупевшем от сонма доносов,
В тридцать проклятом и проклятом, в тридцать
жестоком,

Ты не смолчал и не струсил, ты вымолвил слово
Против безумной машины всеобщих репрессий.
Знаю, что в доме Аппаевых стало преданьем
То, как писал ты в ЦК в убеждении твердом,
Что осужденный несправедливой «птицею-тройкой»,
Был Зулкарней незаконно раздавлен режимом.
Знаю я также, что живы еще и сегодня
Те, кто за это пытался когда-то с тобою
Злобно расправиться, – словно возмездье, болезни
Крепко их держат руками взыскующей смерти.
Правда поборников правды в стране побеждает!
Больно за тех, кто уже не узнает об этом,
Но если мы – ваших душ продолженья в природе,
Но если связь родовая в горах не тоньшеет,
Верю, отец, ты услышишь мое обращенье!

1992

Перевод Аркадия Кайданова

Для моей мамы Великая Отечественная война продолжалась ровным счётом 70 лет. Всё это время она ждала мужа, в светлое время суток не сводя глаз с дороги, по которой он ушёл на войну 30 июня 1941 года. Он оставил её одну с тремя детьми, с которыми только-только стал осознавать великое счастье отцовства, четвёртому же оставалось до рождения 6 месяцев.

Отец был кадровый офицер, окончил до войны Коммунистический университет народов Востока и военное училище с отличием. Именно поэтому получил сразу звание старшего лейтенанта, работая лектором обкома КПСС. Тот призыв, который в начальный период войны прозвучал в одном из поэтических произведений замечательного русского поэта-фронтовика Александра Межирова «Коммунисты, вперёд!», для моего отца утром 22 июня 1941 года стал командой «Встать в строй», а для

моей матери – сухим раскатом грома, кардиограммой молнии, разорвавшей небо.

Взорванное небо над Белой Речкой было потеряно на время, время существования моего народа в изгнании, длившееся 13 лет. Зато к обнажённой боли проводов прибавилась тревога, что он, оставшийся в живых, не найдет их. Эта тревога, когда в середине 50-х годов вернулись на родную землю, не притуплялась: вдруг Султанбек ищет их в степях Средней Азии и никак не может найти.

Так и ждала мама его 70 лет, с раннего утра до сумерек глядя в окно на четыре яблони, посаженные им и нареченные именами детей в самый канун войны, и мысленно делилась с ними своими тяжкими думами.

Мама осталась в памяти моих односельчан настоящей горянкой, верной однажды данному Султанбеку слову, одной из тех, кто практически спас наш народ в изгнании. И если я, ее сын, сегодня чего-то стою как человек, – в этом её заслуга. В подтверждение своим словам хочу привести пример. Алим Кешоков, кабардинский писатель, в 1968 году, будучи председателем правления Союза писателей КБР, вручил торжественно мой билет члена Союза писателей СССР не мне самому, а ей, для этого поехав на Белую Речку.

Мама ждала моего отца, воспитала нас с братом (младшие мальчик и девочка умерли от тифа на второй год выселения), свою племянницу Лиду. Накануне смерти пригласила внучку, дочь моего старшего брата Лейлу, и сказала ей: «Пусть ребята (сыновья) поставят надгробный камень Султанбеку рядом с моим».

Мы выполнили просьбу мамы, прожившей 97 тяжелых лет, для которой самыми счастливыми и светлыми днями стали встреча с моим отцом и 8 лет жизни с ним.

АБА*, ИСПУГАЛА ТЫ НАС!

Послание матери

1

Солнечного света
редко видя милость,
отцвели до срока
вишни в этот год.
Ты, Аба, на ровном
месте оступилась,
встретить ты не вышла
сына у ворот.

Там, где поскользнуться
было невозможно,
ты бедро сломала –
а сквозь что прошла!
И сестра, которой
встать порою сложно,
сразу стала резвой –
спорятся дела.

Ты, Аба, безмерно
всех нас испугала!
Боль, что мать терзает,
собственной страшной.
Знай: душа с тобою,
где бы ни витала,
верь: так будет вечно,
до скончанья дней.

---

* А б а – обращение ребёнка (к матери или к отцу).

Крутизна любого
нам по силам кряжа –
мы с тобою можем
взять любой утес!
Но уже у сына
тяжела поклажа –
не пугай, иначе
пустишь под откос.

Заморозки, грянув,
вишни на бесплодье
обрекли сурово –
чем утешить их?
Ты – сильней тревожишь!
Чувства половодье
я хочу сегодня
вправить в этот стих.

2

Вот пишу – и ясно
слышу, как поляна
вздрагнула... застыла
вся Жемиш-Тала *.
«Ой, Аба упала!»
Это – в сердце рана,
испугать сильнее
ты бы не смогла...

Время даже камень
сточит до пластинки.

---

* Поляна в окрестностях Ак-Су, где растут дикие яблони и груши
(букв. «Фруктовая поляна»).

Жил, как мог, я – так же,
как и все вокруг.
Стоптаны в дороге
не одни ботинки,
не один потерян
в этой жизни друг.

Что ни год, коварней
и настырней наледь,
хлещут в лица ветры,
пыль надежд крутя...
Мать в глазах ребенка
старости не знает,
так же, как и чадо –
для нее дитя.

Солнце ощущает,
как возрастает семя,
не страшны невзгоды,
коли солнце есть,
и над человеком
не всеильно время:
с матерью он рядом
вечно будет цвести.

Совладав с испугом,
утверждаю вновь я
(ты, сестра, не хмурься,
не кручинься, брат):
у меня сильнее
всех любовь сыновья!
Пусть со мной поспорят –
буду только рад.

Расслабление в жизни –
ненадежный посох:
всех надежд крушение
ты познаешь с ним.
Пусть наш сад сегодня
не лучится в росах,
ветер свежий вскоре
весь развеет дым.

Хоть и грузен возраст,
место есть для роста,
не навеки в окнах
воцарилась мгла...
Ты, Аба, случайно
оступилась просто –
лица нам от страха
тень заволочла.

Только мрачным взором
не поможешь горю!
Пробудить улыбку
да поможет стих!
Помнишь, как порою
я с тобою вздорю:
мол, меня ты меньше
любишь, чем других?

Головой качая,
ты не отвечаешь –
растопырив пальцы,
смотришь на ладонь:

мол, во всех нас, разных,
ты души не чаешь,
за любим готова
в стужу и в огонь!

Сердце, а не слово
в стих сейчас вправляя,
я тепло вбираю,
чистоту коплю...
Почему мне столько
надобно вниманья?
Потому что больше
всех тебя люблю!

4

Черное вовеки
не звала ты белым,
не каталась сыром
в масле никогда...
Весь свой век была ты
неразлучна с делом,
вот и не сломила
горькая беда.

Жизнь с супругом рядом
оказалась краткой:
сорок первый, страшный,
грянул на порог.
«Сироты!» – вздыхала
ты о нас украдкой,
лишь бы посторонний
так нас звать не мог.

Ты своей заботой
это исключала.
Взять тебя снохою
каждый был бы рад...
«Сироты», – ты это,
думаю, шептала,
коль отец наш снился –
павший наш солдат.

Ты скрывала слезы:
ни к чему соседям
видеть эти капли –
отзвуки свинца.
Помню, вечерами
над письмом последним
ты сидела тихо –
все ждала отца.

Сиротам немало
строк проникновенных
посвятят поэты,
глядя в пламя дней,
только головёшкам
тех костров военных,
в дни изгнания всё же
было потрудней.

5

Так была ты рада
каждому рассвету,
что ненастья тщились
светлыми прослыть.

«Сироты» – мы эту
отвергали мету:
как с тобою рядом
сиротами быть?!

Мы, чтоб твои ночи
полнились луною,
сытыми старались
пред тобой предстать;
силы оставляли
нас, детей, не скрою,
но, мальцы, держались
мы тебе под стать.

Видя загорелых
наших лиц блистанье,
ты считала нашу
хижину дворцом;
черпала ты силы
в нашем прилежанье –
школьные успехи
наш крепили дом.

Как бы ни ярился
азиатский ветер,
на палимых землях
цвел твой огород;
мы не огорчили –
значит, день твой светел,
не возьмут невзгоды
всех нас в оборот!

Под киргизским небом
зрела горцев сила,
голуби витали,
с нами прилетев, –
зной не одолел нас,
стужа на сломила,
зло не иссушило,
не согнул и гнев...

6

Красоты не портят
помыслы о хлебе,
не затмит высокой
даже бед кольцо –
и луна, я помню,
замирала в небе,
с завистью взирая
на твое лицо.

Красота пребудет
сглазу неподвластной –
прочь вы, злые силы,
сплетни с грязным ртом!
Как пророка думы,
чистой и прекрасной
ты вернулась в мужний,
в наш отцовский дом.

Есть душа в деревьях –
и в камнях есть тоже,
в том, кто с этим спорит,
нет в самом души.

Ты, бедро сломавши,
на болезни ложе –
и речушка наша
чуть журчит в тиши.

А орешник, к двери,
за которой скрылась,
клонится, испуган,
грустно шелестит –
он к тебе взывает:
выйди, сделай милость;
у него встревожен
и плачевен вид.

Человек – опора
дереву и камню,
без тебя им чахнуть,
никнуть, слезы лить:
как привыкнуть бедным
к дней пустых мельканью,
если между вами
оборвется нить?

7

Над Ак-Су трепещет,
воздух воспаляя,
раненая птица –
мой тревожный сон,
и Холам * печальный,
между ольх петляя,
вздрагивает тихо –
сердцу в унисон.

---

* Родовое селение автора.

От села прослышав
о твоём несчастье,
тучами укрылся
Тазия-Дуппур *,
снег с небес посыпал –
это не ненастье,
это – очищенье,
наподобье сур.

Снег туман рассеял,
вмиг светлее стало,
словно вслед за этим
в мир добро придет;
черная осина
белым заблестала,
как твоих – о внуках –
мыслей чистый ход.

Снег покрыл собою
злую сеть колдобин,
и полей озябших
им покой храним, –
чистотой своею
этот снег подобен
об односельчанах
помыслам твоим.

Ветер застывает,
словно бы в намазе,
каждый звук отчетлив
в дышащей тиши...

---

* Увал над Ак-Су – родным селом автора.

Как же первозданны
с этим миром связи
у твоей, родная,
девственной души!

8

Снег туда проникнет,
где и свету ходу
нет; он даже пропасть
в силах озарить.
Да, Аба, ты можешь
подбодрить природу –
меж тобой и нею
неразрывна нить!

Все стога укрыты
ватой белоснежной –
не сгниют до срока,
в целости они.
Рук твоих деянья
с их заботой нежной
вижу я в такие
ласковые дни.

Как слегла ты, снегом,
к нам пришедшим с выси,
вся земля укрылась,
урожай суля;
светлые доносит
снег твои мне мысли –
я, окутан ими,
греюсь, как земля.

Ошалев от снега,
детвора резвится:
валится в сугробы,
возится гурьбой;
у домов при этом
так светлеют лица,
как твое светлеет,
если я с тобой.

Ветерок, дремавший
до того в покое,
присоединился
к играм детворы, –
умиротворенье
чувствую такое,
словно перелом твой
сросся до поры.

9

Даже дни, что снегом,
как благословеньем,
мечены, – бывают
черными порой.
Я молю у Бога
в мир, с его волненьем,
полный бед и боли, –
ниспошли покой!

В день такой да будет
мирно все и чисто –
мало ли мучений
выпало в судьбе?!

Словно у тебя
светлым быть учился,
снегопад сегодня
посвящен тебе.

Пусть пути замкнутся
горестям и бедам,
пусть, назло злым силам,
сбудутся мечты, –
я сегодня Бога
так прошу об этом,
как для нас того же,
знаю, просишь ты.

Если я хоть что-то
в жизни понимаю,
боль тебя отпустит
в этот снегопад, –
мир стоит на месте,
не кренится к краю,
на молитвы наши
опереться рад.

Бога о прощении
просишь ты порою,
словно виновата
в чем-то перед ним...
Я, Аба, сегодня
правду всю открою:
над тобою
святости есть нимб!

Все же в зимней стуже
кроется и скверна:
все лежишь, скучая
по соседям, ты...
Дом согрет, по счастью, –
к этому безмерно
дочь твоя добавит
сердца теплоты.

А мороз, какого
не было от века,
все крепчает... Зная
в оберегах толк,
всей душой болеешь
ты за человека –
и при этом хочешь,
чтоб не мёрз и волк.

У поземки норов –
хуже есть, но реже,
ну а ты, конечно,
жаждешь, как всегда,
чтобы снег, что равен
чистотой тебе же,
никому на свете
не чинил вреда.

Ты добра желаешь
всем на свете людям,
только вот и к сыну
стужа пробралась...

Но про возраст лучше
мы сейчас не будем –
мы признаем разве
лет летящих власть?

Вспомни, как молилась,
чтоб односельчане
с фронта воротились!
Многим помогло.
До отца, к несчастью, –
духи ль осерчали? –
вовремя залятье
так и не дошло...

11

Черную ту память
ты в душе укрыла,
нас же одеяла
только белизной;
ты, Аба, прощеньем
даже тех дарила,
кто всех наших бедствий
выступил виной.

Чтобы хоть кого-то
прочь смело лавиной,
ты не пожелала
в жизни никогда;
ты – чиста пред Богом!
Что ж к тебе, безвинной,
вдруг опять явилась
горькая беда?

40

Время, как известно,
непреодолимо,
только не толкуйте
про судьбу и рок:
это ли утешит
в горе пилигрима?
Как ты настрадалась,
знает только Бог.

«Кто не знал бы счастья,
преодолевая
восемьдесят трудных
перевалов-лет?» –
скажешь ты порою,
тяжело вздыхая,
но и в день пресветлый
где-то скрыт ответ.

С временем не спорят,
ибо на лопатки
всех оно однажды
может положить,
торга не ведут с ним,
не играют в прятки,
но, Аба, поверь мне:
есть причина жить!

12

Ведь с тобою рядом
Танзиля и Света*,
разве не опора –
Джамиля, Жаннет?***

---

* Танзиля – внучка, Света – правнучка.

** Джамия, Жаннет – внучки.

Правнучка и внучки –
ими ты согрета,
потому что ими
озарен весь свет.

Если затоскуешь,
вспомни о Диане
об Айгюль подумай
и о Фереди! *
И невестки Зои
искренне вниманье –
к матери бы так же
отнеслась в беде!

Все мы, как на смотре,
пред тобою встали,
словно вопрошая:
«Лучший кто из нас?»
Взор всегда к Салиму ** –
в радости ль, в печали –
устремлен твой – так же
и на этот раз...

Над Ак-Су сегодня
кружится и реет
белый снег, как символ
чистоты твоей;
на тебя мы смотрим –
на душе теплеет
у твоих обоих
взрослых сыновей.

---

* Правнучка.

** Старший сын.

Помнишь, как когда-то
ты и не мечтала,
что во внуках длиться
будет жизни нить?
Да, тебе на долю
выпало немало –
семерым хватило б,
если б разделить.

13

Каждого из нас ты
восприми частицей
жизни своей трудной,
и тогда мороз
от тебя отпрянет,
стужа отстранится,
и весна нагрет
к нам уже всерьез.

На ноги чтоб встала –
вот о чем мы молим.
Пусть бы мы по жизни
теньями прошли
(ведь в лесу нелишне
быть и сухостоем),
лишь бы твои хвори
сгнули вдали.

Нам без веры в это
жизнь была бы серой,
не цвели б деревья,
плыл бы в небе мрак.

Говорю от сердца:
только с этой верой
кровь струится в жилах,
колосится злак.

Улыбнись, родная,
посмотри в оконце:
как шатер, белеет
яблоня твоя.
Твоя радость сыну –
все равно что солнце:
песенку мурлычу,
как мальчишка, я.

От твоей болезни
мы болеем тоже,
о твоём здоровье
молим всякий час.
Не могу промолвить
этого без дрожи:
на кого оставить
ты могла бы нас?!

14

Не слова, но душу
я вправляю в строки,
лишь бы мглу развеять,
тучи разогнать.
Были б мы безмерно
в мире одиноки,
если бы не знали:
дома ждет нас мать.

44

Мать – начало жизни,
смысл ее и прелесть,
с матерью мы можем
взять любой утес.
Мыслями такими,
ежечасно греясь,
мы в изгнание жили –
и не знали слез.

Мать – земля родная
и родные камни.
Ты, Аба, мне то же,
что святой Кавказ, –
вашиими храним я
добрыми руками,
путь мой озаряет
свет из ваших глаз.

Вечною пребудет
жизни пуповина,
что связует души
матерей с детьми...
Так внемли сегодня
уговорам сына,
дай с тобою вместе
вырваться из тьмы!

Как рассвета жажду
я поправки скорой –
исцелится рана
и отпустит боль.
Мы друг другу служим
вечною опорой:
ты крепка со мною –
крепок я с тобой.

Не горюй, считая:
стала ты обузой.
Здесь виной не старость –
случай, так и знай.
Вместе со своею
слезы льющей музой
я, Аба, взываю:
жизнь не проклинай.

Кто взращён горами,
молоды и до ста,
не навеки в окнах
воцарилась мгла...
Не стара, Аба, ты,
оступилась просто –
лица нам от страха
тень заволокла.

Не студи и в шутку
душ ты сирых наших,
лишь с тобою вместе
сбудутся мечты.
Ты для нас, подранков,
ласк отца не знавших, –
всё на белом свете.
В наших душах – ты.

Как у Руставели:
лик твой заметишь,
солнце в тучке скрылось,
выглянув едва.

Лишь с тобой, старенье
отменив, замедлив,
снова зеленеет
жухлая трава.

Тёплый запах жизни
помним мы с пелёнок.
Исполать – надежде,
вере – исполать.
Мать свою забывши,
в миг умрёт ребёнок.
Лишь с ребёнком вместе
умирает мать.

Перевод Юрия Яропольского

СВЯТОЕ ЗАКЛИНАНИЕ МАТЕРИ

Земля моя все тяжелей вздыхает.
Душа моя, тебе покоя нет.
Упал ребенок. Женщина чужая
Кричит: «Где мама?»
«Здесь я, здесь!» – в ответ.
У времени конца нет и начала,
За днем ушедшим новый день встает.
И, видя это, мать моя сказала
Святое заклинание свое.
Но прежде мать испуганно взглянула
На мир, в котором дракам нет конца,
Где вековое дерево согнулось
Под натиском железа и свинца.
Чаши весов.
На них одновременно
Грудь матери и Жизнь сама – легли.
И эти чаши замерли мгновенно –
Друг друга перевесить не смогли.
В темнеющие дали с содроганьем,
Как много лет назад, смотрела мать
И мне свое святое заклинанье
Негромко продолжала повторять:
– Надежды тень светла, она спустилась
В ущелье над бурлящею рекой.
Пусть девушка, что нынче не влюбилась,
Тебя полюбит завтра всей душой.
Опять люблюсь я вершиной белой,
Что птицей устремилась к небесам.
Тот, кто вчера кому-то больно сделал,
Пускай сегодня обожжется сам.
Богатства мира, все богатства наши

С тобой сравню ли, добрый человек.
Пусть землю буйвол времени пропашет,
Похоронив людское зло навек.
Добро – оно рождается на свете
Любовью, без которой все умрет.
А мужество – и в нас, и в наших детях
Пусть рядом с добротой всегда живет.
Земля, хотя заботы неизменны,
Следи за сердцем трепетным своим.
Сберечь его должна ты непременно –
Оно необходимо всем живым.
Упал ребенок. Женщина чужая
Кричит. Спешит ему на помощь мать.
Если Земля споткнется, я не знаю –
Кому кричать? И как ее спасти?
Пускай исчезнут ссоры, войны, голод.
Пусть не горит Земля людей в огне.
Страна моя, чей символ – серп и молот,
Пусть вечно остается на коне.

Перевод Петра Градова

У ПАМЯТНИКА ПУШКИНУ

Балкарец – в двух шагах от пьедестала,
Где ты стоишь с опущенной главой,
Как будто нынче матери не стало,
И сын есть образ боли мировой.

Ты не глядишь на дальний пик отвесный,
Где туча как молозиво бела,
И – прав: что созерцать простор небесный,
Коль на земле еще хватает зла.

Нога твоя слегка вперед ступила,
Испытывая, все ль земля тверда,
И кажется, всех смертных боль и сила
В тебе одном остались навсегда.

Земля зыбка. Мы за нее в тревоге,
Она, как люлька, ходит ходуном.
Ты помнишь эти дымные дороги,
Вороньим осененные крылом...

Но слава богу, мирно зреют ныне
До снега шишки в пристальном лесу,
И утро в горы – страха нет в помине! –
Идет с бадьями света на весу.

И реки по ущельям не смолкают.
Как песенка ребенка в ранний час,
И уст своих упрямо не смыкают,
Хоть синий лед и душит их подчас.

И я гляжу, неужто в грустном жесте
Неверье в нас ты выразил тайком?
Не мы ль с тобою оплатили вместе
Триумф свободы над ее врагом...

Перевод Юрия Ряшенцева

КАМЕНЬ

Камень, морщинами трещин израненный густо,
Камень, до блеска холодного времени стертый, –
Вы и опора в безверии необоримом,
И вожденная слабость швыряющих камни.

Скрыта душа в этой плоти безгласной, холодной,
Воле чужой – то ли злой, то ли доброй – подвластной.
Сколько обид в этих душах безмолвных сокрыто
С оных времен и до нашего существованья.

Помню: лишь камню довериться было возможно,
И как никто поддержать мог и выслушать камень,
Горько и скорбно внимавший под небом далеким
Речи балкарской, негаданно ставшей запретной

Перевод Аркадия Кайданова

* * *

Огромная безгласная страна.
Огромное клокочущее горе.
Балкарские простые имена
Хранят чужие небо, степи, горы.

Но даже в самый кровожадный год,
Оплаканный, негаданный, проклятый,
Зла не держал на Родину народ –
Ведь Родина ни в чем не виновата.

В горчайших бесконечных поездах,
Где каждый – горя общего частица,
Все было – и неверие, и страх,
Лишь злобою не искажались лица.

Не восходило солнце для людей,
Но вызревала песня в горьких столах.
Пресветлый лик Балкарии моей
Остался чист, как первый снег на склонах.

Перевод Аркадия Кайданова

* * *

На мой народ обрушилась беда.
Тот год, как черный призрак, навсегда,
Навеки в нашей памяти застыл,
Забуть его ни права нет, ни сил.
Не знает жизнь опасней ничего
Всевластья человека одного.

Он мог сказать на белое: «Черно...» –
И все тем словом было решено.
Гремели в небе черные грома,
Был черен путь, чернела жизнь сама.
Стояли мы у гибельной черты
Под черным ветром той неправоты.

Когда легко и просто жил народ?
А тут еще таких страданий гнет.
Но, как ни тяжек был его удел,
Он выжил и душой не оскудел.
Высок над ним и светел небосвод.
И только боль проходит – не пройдет...

Сколько обид в этих душах безмолвных сокрыто
С оных времен и до нашего существования.
Помню: лишь камню довериться было возможно,
И как никто поддержать мог и выслушать камень,
Горько и скорбно внимавший под небом далеким
Речи балкарской, негаданно ставшей запретной.

Перевод Аркадия Кайданова

8 МАРТА 1944 ГОДА

В день праздника беда больнее бьет.
Пропахла гарью скорбная планета.
Подснежники, пробившись в свой черед,
Пытались в мир добавить каплю света.

В день праздника больнее бьет беда.
Дымы из труб не восходили в небо.
И облаков растерянных стада
Над тишиной селений плыли немо.

Тогда беда всего больнее бьет,
Когда душа отворена для счастья.
И, словно птицу беспощадно влет,
Ее сражает горе в одночасье.

В глазах балкарок поселилась скорбь,
Вбирая путь кромешный и печальный.
Был горек час прощания и скор
С родной землей перед дорогой дальней.

Мы были виноваты без вины,
И с женщинами плакала природа.
С тех пор восьмой веселый день весны
Болит в сердцах у целого народа.

Перевод Аркадия Кайданова

КИНЖАЛ

До тонкого звона наточенный остро кинжал
Был признаком горца вне происхожденья, сословий,
Проверенный в схватках жестоких, он накрепко знал,
Что нет ничего горячеей человеческой крови.

Давно миновали те годы, когда он один
И в споре, и в ссоре был наиглавнейшим судьей.
На кровника кровник с кинжалом в руке выходил,
Озлоблен тяжелою и беспросветной судьбою.

И камень до блеска бесстрастно шлифуют века, –
Из памяти стерлись деянья кинжала лихого.
Порою лишь в речи медлительной старика
О горском кинжале услышишь звенящее слово.

Теперь и в музее кавказский кинжал не найдешь.
Решаются споры посредством словесной дуэли –
Такое вот время, мы стали другими, но все ж
Как быстро мы с памятью нашей расстаться успели.

Перевод Аркадия Кайданова

СОН КИЗИЛОВОГО ДЕРЕВА. 1944

Ночью заснеженной дереву видится сон:
Каплями крови исходят, сочатся плоды.
Снег окровавленный вьюгою ввысь вознесен,
Словно предвестие неотвратимой беды.

Где это видано: красный клубящийся снег
Раной дымится на мертвой безлюдной земле?
Если рискнет на него наступить человек –
В то же мгновенье бесследно исчезнет во мгле.

Старое дерево червем терзает вопрос:
Что, как оно всему сущему в мире виной?
Что, как годами росло оно людям не впрок
И не к добру покрывалось цветами весной?

Чья это кровь из плодов густо каплет на снег?
Уж не того ль, кто с любовью его посадил?
И для того ли его возрастил человек,
Чтобы несчастье принес ему старый кизил?

Соки живые свой бег замедляют в стволе.
Дереву снится: оно засыхает, гниет.
...Мартовской ночью не слышно ни звука в селе.
Год до Победы.
Выслан балкарский народ.

Перевод Аркадия Кайданова

БЕЖИТ РЕКА

Журча и пенясь,
Меж камней замшелых
Бежит река,
Как будто хочет скрыться
От самое себя,
От обмеленья,
От вырубленных на пологих склонах
Лесов, когда-то буйных и дремучих,
Как будто сможет убежать куда-то
Она от уготованной судьбы.
– Ужели ледники в горах иссякли?
Ужель на берегах листвою свежей
Не суждено шуметь тенистым кронам? –
Так спрашивает речка у камней,
У берегов своих...
Молчат камни.
И берега в ответ молчат угрюмо.
С мольбой река стремится к человеку.
Но человек опять отводит взгляд.

Перевод Аркадия Кайданова

ТОВАРНЫЙ ВАГОН

Громяхая на стыках, бедою груженный вагон
На колеса наматывал горестные километры,
И в последнем отчаянье бросившиеся вдогон,
Отставали родимых ущелий летучие ветры.

На страницах грядущих романов и повестей
Отразится эпохи губительная гримаса,
По велению которой везли, как скотину, людей,
Обездоленных злобною волей недоброго часа.

Знать балкарец не знал, что на свете так много земли,
Но в дали непроглядной остались сиротами скалы.
В неизвестность угрюмо составы продутые шли
Бесконечную степью, укрытую снегом подталым.

Смерть над целым народом свои распростерла крыла:
Сын на фронте убит, мать истаяла в страшном вагоне.
Поглощала надежду слепой безысходности мгла.
А составы гремели, отсчитывая перегоны.

...Время – лучший советчик и самый бесстрастный судья.
Оговорная грязь, ты к народной судьбе не пристала.
Но в ночи просыпаюсь от стука вагонного я,
Ибо память травую забвения не зарастала.

Перевод Аркадия Кайданова

ГОППАН*

Гоппан с айранной шапкой набекрень,
Ты вечный спутник чабана-балкарца.
В кошаре при неровном свете лампы
Тебя он вырезал рукой надежной.

Гляжу на склоны гор, покрытых лесом,
Держа в руках гоппан с айраном пенным.
Как много инородцев дружелюбных
С моим народом сблизил ты, гоппан!

В степи далекой, где лишь ветры правы,
В жестокую годину лихолетья,
Гоппан, ты был всегда с народом вместе,
Его судьбу безропотно приняв.

Когда беда кромешной темнотою
Огромный мир пред взором застилала,
К тебе, как будто к символу отчизны,
Многострадальный горец припадал.

...Бежит Ак-су, журчит меж валунами.
Цветет ольха на берегах зеленых.
Зачерпнутая из реки гоппаном,
Стократ вкуснее кажется вода.

На родине и камни мягче пуха,
На родине земля порою вешней,
Как мать, дыханьем теплым согревает.
Пребудь, гоппан, навеки чашей дружбы!

Перевод Аркадия Кайданова

---

* Г о п п а н – чаша, сделанная из дерева.

Кружится снег и тает, прикоснувшись
К земле, еще не схваченной морозом.
В сыром белесом воздухе промозглом
Чернеют обнаженные деревья.
Но день-другой – и с гор похолоданье
Опустится, и наледью стеклянной
Покроются и пашня, и дорога.
Могильники на кладбище угрюмом
Нахмурятся, как будто непогода
Мешает тем, кто погребен под ними.
Живым же новых дел зима прибавит:
Нужны печи – дрова, коровам – сено.
Паров бензинных острый терпкий запах
Главенствует в балкарских древних селах,
И кажется, что все вокруг сегодня
Пропахло обработанным бензином.
Но вечное – вода, дрова и сено –
Не канет никогда в небытие.
Хранящий жизнь, огонь сухих поленьев
Согреет всех – и тех, кто путь нелегкий
Еще не завершил на этом свете,
И тех, кто, низойдя в покой кромешный,
Оставил нам всю суету земную.
Хватило бы огня того живого,
Чтоб наша память не заледенела,
Чтоб души наши инеем колючим
В ненастную погоду не покрылись!
Кружится снег и тает, прикоснувшись
К земле, еще не схваченной морозом.

Безрадостен туманный серый полдень.
Но, человек, привыкший к непогоде,
Я об одном молю:
Пусть жизнь продлится!

Перевод Аркадия Кайданова

* * *

Орешины на склонах расцветали,
Мужало солнце и дымились вербы
В те дни, когда моим стихам внимали
Хорваты, македонцы, сербы.

– Читай на языке своем родном! –
Кричали из внимательного зала.
И перед горским искренним стихом
Стена непониманья исчезала.

– Читай погромче! – слышалось вокруг.
И я читал собратьям незнакомым.
Язык отцов – мой самый верный друг,
Ты снова мне помог вдали от дома.

Я жив – покуда жив язык родной.
Полк не погиб, пока сохранно знамя.
И словно знамя, стих гортанный мой
Взлетал над югославскими горами,

Перевод Аркадия Кайданова

* * *

Вот и еще один день миновал.
Камни хранят жар июльского солнца.
Листья серебряною изнанкой
Мелко дрожат перед луною.
Горной речушки скороговорка
Вьется и тает меж склонов пологих.
Звездною шалью ласковый вечер
Нежно укрыл мою Белую Речку.
Вот и еще один день миновал.
Птичье гнездо не подверглось разору.
Тихо звучит колыбельная песня.
Повода нет сожаленью о счастье
Душу мою беречь и тревожить.
Счастье вокруг, надо лишь оглядеться.
День миновал, полон редким покоем.
Счастье мгновенно и невозвратно.

Перевод Аркадия Кайданова

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Прошлое – будущее
Три звездочки,
Три счастья мои –
Дети.
Три жизни мои,
Три цветка,
Три ветви.
Три поля, где траву ласкает ветер,

Шесть глаз моих –
Меня ждут каждый вечер...

На улицу они глядят в окошко,
Три носика расплыв о стекло.
А время долго длится,
Как нарочно,
А время длится, длится,
Как назло...
Глядят, глядят,
А если не увидят,
То на меня останутся в обиде.

Ждут каждый вечер.
Ждут, не уставая...
Так я когда-то ожидал отца.
Со мною вместе мать моя родная
С томительной усталостью лица.
Стекло окна
Дождя ль струей в те дни,
Слезой ли материнской омывало?..
В окошках гасли
Медленно огни...

Мне так в те дни
Отца не доставало.

Все ждал,
Все ждал я, глядя в темный двор...
И засыпал,
Склонясь на подоконник...

В окошко то
Гляжу я до сих пор, –
Стекло
Все холодит мне носа кончик...

Как далеко
Отец ушел тогда!..
Как нескончаема его работа!..
Десятками уже пошли года,
Меняют лик
И время, и природа.
Но все живет в душе
Тех лет окно,
Стекло то,

От которого курнос я...
Хоть дети и здоровы,
Все равно
Боюсь за них я в этом мире грозном!

Вхожу.
И всех троих –
В объятие рук,
И сразу мое сердце –
На вершине...

Обнять их надо мне,
Пока я с ними!..
Отцова доля
Выпадет мне вдруг?!

И возьмётся со мною без конца,
И слез моих не видят
За улыбкой, –
Я вспоминаю своего отца,
Что так и не пришел
С войны великой...

Перевод Анатолия Передреева

POB

Кабардино-Балкария...
42-й.
Содрогаются склоны –
Враги за горой!

Всех мужчин
Поглотила война, словно зверь.
Ненасытна
Железная эта утроба.
На ныгышах* лишь ослики бродят теперь,
Зарастают травую некошеной тропы.

Только нам – хоть бы хны!
Нам бы только была
Пусть хоть корочка самого черствого хлеба.
Мы играем в чюйке** на задворках села
Да глядим –
Где же солнце? –
На дымное небо...

Сельчане в какой-то тревоге живут –
В калитках мелькают то шали, то блузы.
Невестки забыли работу свою –
В закромах
И мышам даже нет кукурузы.

Тепло покидает просторы земли,
Осенние ветры вокруг засвистели.

---

* Н ы г ы ш – место, где старики проводят досуг.

** Ч ю й к е – детская игра.

И к Нальчику немцы уже подошли,
Грозили
Обрушиться огненным селом...

Не знали, что будет,
И мудрые старцы...
И все поднялись –
Кабардинцы, балкарцы...

И вышло село,
Погасив очаги, –
И дети, и женщины,
И старики.

Лопаты в руках,
За спиною – младенцы.
Шли выкопать ров –
Преграду для немцев.

Земля – против танков,
Вода – против танков,
Пусть в ней захлебнется
Стальная атака...

О всадники наши,
В каком вы огне?
Вы к нам прискачите
Хотя бы во сне!..

Зарницы все ближе
Огнем полыхали.
И люди спешили –
Копали, копали...

Уже не видны были люди во рву,
Уже они дело свое завершали,
Когда появились захватчики вдруг
Оттуда,
Откуда их вовсе не ждали...

И все, кто во рву был, остались в нем,
Враги не щадили ни старых, ни малых.
Шестьсот человек
Закопали живьем...
Вовеки земля
Здесь такого не знала...

Тот день мне в сердце острием кинжала
Вонзился...
Неужели я в живых?!
В тот ров было уложено немало
Четырехлетних сверстников моих...

Перевод Анатолия Передреева

ЗАКЛИНАНИЕ МОЕЙ БАБУШКИ

Внуки голодные к бабушке взгляд устремляют свой
зоркий:

– Бабушка, есть мы хотим, пусть хоть кто-то домой
нас вернет!

Бабушка камни варила в измятом и темном ведреке:
– Сварится, мы поедим, ну а после – что Бог нам
пошлет.

Азия. Ссылка. Конюшня, – балкарцев туда поселяют.

– Бабушка, мы умираем! Хоть крошечку дай нам
глотнуть!

Бабушка шерсти остатки собрав, кошку на продажу
валяет...

– Вот закончу работу, и Бог нам пошлет что-нибудь.

Бредят, глаза закрывают, теряют сознание внуки:

– Бабушка, бабушка, кто-то хлеба краюху несет!

Как от воды ледяной, холодеют у бабушки руки:

– Ох, потерпите немного, я верю, что Бог нас спасёт.

Ребра, как прутья плетня, у голодных детей
выпирают...

– Бабушка, так вот корова, ее приведи, подои!

Бабушка слов не находит, сердце в груди
замирает:

– Это Господь молоко вам послал, дорогие мои!

Внуки как будто проваливаются в омут бездонный:

– Бабушка, кто-то тебя отнимает у нас и куда-то ведёт!

Бабушка, еле держась на ногах, чуть удерживается
от стоны:

– Дети, смотрите в лицо мне, к нам Бог снизойдёт!

Бабушка режет на части ремень отца своих внуков, –
Сам он на фронте, а дети – в изгнание, в пустынных
краях, –
Дети берут по кусочку и, голод чуть-чуть убаюкав,
Каждый за бабушкой вслед произносит:
«Алхамдюлллах!»

Храбро воюет отец, защищая родную державу,
Дети, что угнаны в ссылку, – награда за верность
ему...
Бабушка шепчет: «Кто это придумал, ответь, Боже
правый!
Что за душа у него, – я, старуха, никак не пойму!»

Перевод Лазаря Шерешевского

ПАСМУРНЫЙ ДЕНЬ В СМОЛЕНСКЕ

1

На Смоленщине впервые я...
Что ж так пасмурно в зеленых долах?
Тучи стелются, струи дождя,
Словно строки песен невеселых.

Улицы то вверх, то вниз бегут
По холмам округи приднепровской...
Вижу городской и сельский люд, –
В каждом встречном чудится Твардовский.

Неба свет меж облаков высок, –
Шли здесь по равнинам и пригоркам
Хлебороб Никита Моргунок,
Балагур-солдат Василий Теркин.

Здесь живет поэзия во всем:
В свисте ветра, в дождевом напеве,
Ею полон дом с резным крыльцом,
Ею дышат камни и деревья.

Я не стал рубаху выжимать, –
Ведь она поэзией намокла.
Трудной, горькой жизни он подстать, –
Этот день, дождливый, хмурый, блеклый...

Над отцовскою кузницей дымок
Поднимался птицей огнекрылой,
Чтоб поэт потом промолвить мог:
«Жизнь меня ничем не обделила».

Обожженный грозною войной,
Укрепленный совестью своею,
Покидал Твардовский мир земной,
Жизнь прославив и людей жалея...

2

Сколько раз сменялись свет и мгла,
Утки над озерами взлетали
Там, где мать поэту жизнь дала,
Где за далями синели дали...

Материнский след скрывала даль,
Застилала сумрачным туманом...
Матерью оставленная шаль
Стала для поэта талисманом.

И хранила в битвах и в беде,
Памятью заветной оставалась
Сельской кузницы отцовской, где
Золото поэзии ковалось...

Как у тучной нивы – сорняков,
У поэта недругов хватало,
Но Твардовский – он был не таков,
Чтоб душа пред ними трепетала.

На земле смоленской вновь прочти
Строки, что заденут за живое...
Каждый смертный должен жизнь пройти
С гордо поднятой головою!

Перевод Лазаря Шерешевского

СЛЮНА

Над сломанным я деревом вздохну, –
Боль отзовется в чутком человеке.
Кто не глотал от голода слюну,
Тот не поймет голодного вовеки.

Когда судьба нас в ссылку загнала,
Я мальчишкой познал проклятье злое...
Там сладкий был базар «Ленин джола»,
Меня насытил он моей слюною.

Я был едва мерцавшим угольком, –
Мальчонкой, обездоленным войною...
Мужая в бурях, помнил я о том,
Как сыт бывал я собственной слюною.

Перевод Лазаря Шерешевского

САМОЕ СТРАШНОЕ

Я сомнением и робостью пренебрегу,
Если в схватку вступлю с проявлением зла.
Пуще всяческих бед пожелаю врагу,
Чтоб его стороною любовь обошла.

Не наукой – природой любовь рождена,
И сердце и бездна она, и скала.
Пожелаю тому я, чья зависть черна,
Чтоб его стороною любовь обошла.

Ах, любовь, – ты и радость моя, и печаль,
Не постичь, чем она и темна, и светла...
Тех, кто злобою пышет, мне искренне жаль:
Видно их стороною любовь обошла.

Дух Омара Хайяма пиры окрылял,
Жизнь была, словно чаша, полна и кругла,
Но вином горе горькое не утолял
Тот, кого стороною любовь обошла.

Тяжко: повод дала ты для песни такой, –
И над Нальчиком стынет осенняя мгла,
И кизил, и орешник грустят над строкой,
Где любовь стороною меня обошла.

Перевод Лазаря Шерешевского

ВСТУПЛЕНИЕ К «КНИГЕ МОЕЙ БОЛИ»

Пусть никто не заявит, меня лицемерно жалея,
Что, мол, боль стала пашней, что выбрал для сева Салих!
Лепит жизнь человека рукой неустанной своею...
Что ж какой-то народ копит месть для народов иных?

Нет, народы друг к другу мстительных чувств не питают:
Как земля и как небо, они друг на друга глядят.
Но, бывает, среди них честолюбец такой вырастает,
Что вселяет в сердца превосходства губительный ад.

Если жизнь есть Коран – мироздания Священная книга,
Мой народ лишь одна из его многочисленных сур.
Жизнь с народом своим я пройду до последнего мига,
И не сглазит народ мой завистника злобный прищур.

Кто в своем огороде возделывать не хочет ни грядки,
Смотрит с завистью низкой в соседский чужой огород.
Мой народ свою землю содержит в любовном порядке:
Дай же, Боже, ему от земных напитаться щедрот!

Жил народ мой в веках, к испытаньям суровым
привычный,
Даже камень, катящийся с гор, он удержит спиной.
Но не дай ему, Боже, бахвалиться, хвастаясь зычно,
Что хоть в чем-то он выше и лучше, чем кто-то иной.

Если благ он добьется, пройдя сквозь года испытаний, –
Я прослаблю народ четкой вязью ликующих строк.
Но того, кто народ мой окатит потоками брани, –
Пусть стыдом и позором накажет всевидящий Бог.

Пусть теряет зима чистоту белоснежности млечной,
Пусть нас трудное время в тисках зажимает тугих, –
«Ах, за что же судьба сыплет беды на нас бесконечно!» –
Боже, нас упаси от стенаний и жалоб таких!

Не дождутся косы на лугах перезрелые травы,
Или ранние всходы погубит внезапный мороз, –
«Ах, как больно, как горестно нам, погляди, Боже
правый!» –
Боже, нас упаси от подобных взываний и слёз!

Коль мечта, как надежда, последней в сердцах умирает, –
Не исчезнет народ, если жив его сын хоть один.
Если каждый из нас дух народа в себе не теряет, –
Боже, дай нам дожить до счастливых и светлых годин!

Как все горы по-своему и высоки, и красивы,
Так по-своему каждый народ и красив, и высок...
Мой народ всем открыт, судит он обо всем справедливо.
Боже, пусть в нем открытость на долгий останется срок!

Перевод Лазаря Шерешевского

КРАСНОЕ СОЛНЦЕ ЗАКАТА

Алея, как сок барбариса, ложится вечернее солнце
На гребень горы, что охотно встречает несметных
гостей.

«В кино только поезд я видел», – слышны мне слова
незнакомца.

Отшельником жил он, должно быть, в глухой
деревеньке своей!

А я – с пятилетнего возраста стал тесно знаком
с поездами,

С вагоном, что заперт снаружи на крепкий тяжелый
засов.

Там дети балкарские молча смотрели такими глазами,
Что в горьком пути выцветали, как блеклая ткань
лоскутков.

В дождливые хмурые ночи мне помнится эта дорога,
Темнеет, как тень тех вагонов, остывший, промокший
очаг...

Когда ко мне сын мой подходит, прошу милосердного
Бога:

«Не дай испытать ему, Боже, что снится мне в черных
ночах!»

И даже когда встанет солнце и краски заблещут
дневные,

Печать тех понурых составов не сходит с лица у меня.
И все, чем меня наделили дороги изгнания степные,
Во мне и на горных тропинках пройдет до последнего
дня.

И матери взгляд, год за годом тускневший в тоске и
печали, –
Меня не к проклятьям влечет он, а к свету и правде
зовет.
О, сколько я боли изведаль в те дни, в самом жизни
начале!
В дыханье моем и в походке та боль неотступно живёт.
В углах моей комнаты – сумрак, и на волосах моих –
иней,
Я дочери голос услышу, – о как же, о как он похож
На голос сестры, что погибла в далекой безводной
пустыне,
Когда моровые болезни косили изгнанников сплошь...
Светлана, сестренка! Умерший Азрет, младший брат
мой! Досталась
Вам горькая участь. Ночами вздыхаю о ней тяжело.
О жизнь! Ты меня сохранила, ко мне проявила ты
жалость.
Какими ж словами назвать мне в тебе затаённое зло?

Перевод Лазаря Шерешевского

ГОЛОСА

Как прогнившие нитки обрывисто века дыханье,
На земле голосов больше, чем у пустыни песка.
Но как мало среди них тех, что людям несут упование
На победу добра, тех, чья речь и светла, и мягка!

Представляется мне, что тварям своим
бессловесным –
Рыбам, птицам, зверям – человечности больше дает
Мать-природа! И словно туман над ущельем тесным,
В сердце ярость клокочет, как пар закипающих вод.

Неужели наш век, что так грозен, бурлив и неистов,
Так пройдет – и в историю юркнет, как мышка в нору?
Города на открытках предстанут пред взором туристов,
И не вспомнят о тех, кто в снегу и на зимнем ветру

Их воздвиг, обливаясь и кровью, и потом соленым?
Как одежду, что вышла из моды, забудут наш век,
Нашу боль, нашу веру, наш путь по обрывистым
склонам,
Неужели все это сойдет половодьями рек?

Наши годы уходят – горячие дерзкие годы,
Мы же жаждем вернуть их, как стадо домашних ягнят.
Время не приручить! Дождь, что полил вчера огороды,
В даль такую умчался, куда не проникнет наш взгляд.

Мы – не камни, которых не сдвинуть и горным потокам,
Мы растем и меняемся, нивы возделав свои...
Только годы бросаются в пропасть в порыве жестоком,
Словно братья, что в бездну, обнявшись, бесследно
ушли...

В наших чутких сердцах отзываются болью утраты...
Мы ж всюду наставляем едва лишь подросших детей,
Чтобы жили, как мы, нашим опытом трудным богаты, –
Словно жизнь им иных предложить не способна путей!

Не забыл мой народ, – хоть и мал он числом, –
дни страданий.

В нас звучат голоса тех, кто близких тогда хоронил
В Казахстане, в Киргизии и в Узбекистане,
Рядом с ними места для своих выбирая могил...

Нет, не выразить словом одним, что принес век
двадцатый,
Что к немногим был добр, очень многих рубя,
как топор...

Кто был тверд, как железо, тот делался мягок, как вата,
А другой – закалился, как сталь, и до нынешних пор!

Век двадцатый! Как конь, что от долгого бега весь
в мыле,

Облаками ты пену оставил меж синих вершин...

Верный долгу народ мой в изгнание отправить
решили, –

Ни за что так наказан бывает послушнейший сын...

Наше время скудеет не из-за нехватки питанья, –
От обиды и горечи скуден стал стол наш и дух.
Голоса, что возникли в нас в годы больших испытаний,
Убегают вперед и тревожат детей наших слух.

Голоса их зовут, перешагивая через былое,
Строить заново храм, вознося к небесам минарет.
Голоса их зовут не склоняться пред силою злою,
С дерзких мыслей срывая любой беззаконный запрет.

Мы старались истории честно служить, – но мы сами
Раскромсали ее, в ней жестокость и ложь осудив,
Наше прошлое в душах глухими звучит голосами,
И язык его нынче прозреньем и болью правдив.

Разбивается день, как о камни, – струя водопада,
Но за ней новых струй с высоты ниспадает поток...
Пусть исчерпан наш век, – проклинать его, право,
не надо:
Каждый жил в нем, как мог, и что делал, – то делал,
как мог.

Перевод Лазаря Шерешевского

ХРАНИТЕЛЬ ЛЕСА

Современная сказка

1

Начну с того, что как-то мне давным-давно
В моем краю услышать было суждено:
«Несчастье страшное, когда плохой сосед,
Бедая такая – наихудшая из бед,
Тогда и яблоки, созревшие в саду,
Жечь будут горечью горчащей на беду».
А у меня таких в округе яблок нет, –
Они прохладны и румяны, как рассвет,
Они медовы, крутобоки, тяжелы.
От них свежайшей сенью веет средь жары.
И вы, конечно, догадались, почему
Спасибо доброму соседу моему:
За то, что рядом на земле такой он есть.
Мне с ним соседствовать, друзья, большая честь.
Едва увижу, что идет в тени ветвей,
Он в неизменной старой стеганке своей,
Или стоит, над свежей грядкою склонен,
Я с уваженьем говорю: «Глядите – он!».
Всем восхищеньем – о соседе о моём.
Да что там яблоки, – жизнь слаще мне при нём.
И надо мною мне слышнее голоса
Тишайших звезд. Муса зовут его, Муса.
Не удивляйтесь: есть такие у людей
Сердца большие, что от них всегда светлей.
И у кого такое сердце, хоть оно
Своею собственной бедой обожжено,
Тот непременно должен быть с Мусою схож.
При нем немеет суета и гаснет ложь.

Он, как издревле о таких гласит народ,
Одарит словом – как звезду тебе зажжёт,
Поможет делом – как в глуши проложит след.
Таков на радость мне и всем Муса-сосед.
Мой огород и огород его межой
Разделены. Но у соседей нет чужой
Беды иль радости вовек, когда они
Друг другу душами и мыслями сродни.
Таков Муса. И он в любое время дня,
Куда б ни шёл я – пред глазами у меня.
И, что б ни делал, все я думаю о нём,
Как будто жизнь озарена его огнём.
Он прост и скромнен, как травинка на лугу,
Точней сравненья подобрать я не могу.
Уж он-то знает за селением Ак-Су
Любой овраг, любую веточку в лесу.
Уж он-то знает... Поскитался по лесам.
Ну, а в своём лесу родимом, где он сам
У речки Белой вспыхнул некогда ростком,
Сам он тоже каждой веточке знаком.
Кто и когда в один из дней, что так далек,
Лес за Ак-Су Ольховой рощею нарек.
Никто не знает. Только знает: без Мусы
Представить рощу – все равно, что без росы
Представить луг, что разноцветьем тешит взор,
Или представить без снегов вершины гор.
Так и живет, минутой каждой дорожа,
С любовью к лесу, хоть не послан в сторожа.
Стоит у леса с речкой рядом его дом,
Дом, что и домом-то назвать могу с трудом.
Где бобылём прожил немало долгих дней,
С утра пораньше, словно тень среди ветвей,
Уже он в роще, где к нему из зябкой мглы,

В росинках все, ветвями тянутся стволы.
Под сенью их Муса проходит и ему
Давным-давно уж наклоняться ни к чему,
Поскольку сгорбило его житьё-бытьё:
Владыка Время дело сделало своё.
Жизнь сгорбить душу не сумела, не смогла,
Хватает всем от доброты его тепла.
Я знаю, скажете вы: «Громкие слова,
Чего-чего не напридумает молва,
А мы – мы верим только собственным глазам».
Но он таков, и я свидетельствую сам...

Три дня, три ночи дождь хлестал, хлестал, хлестал,
Да так, что я пол-огорода не застал:
Размыло, смыло, унесло...
Явился он, –
Его участок был поменьше повреждён.
Убрал межу, мол, что имею – пополам,
Мол, хоть немного соберём, но хватит нам.
Вот так, быть может, он ходил в далёком том
Году войны, делясь последним сухарём,
Поскольку даже в страшной схватке под огнём
Всегда и всюду чувство братства жило в нём.
Сосед Муса... Был далеко он не старик.
Я к молчаливости его давно привык.
Привык к тому, как он спокойно, не спеша,
Порой огрызок вынимал карандаша
И лист бумаги. Из его корявых фраз,
За строчкой строчка, выросал его рассказ.
Мусе внимая, перед ним сидел я, тих.
Одна записка. И другая... Сколько их
Прочсть сквозь слёзы довелось мне в пору ту.

И мне казалось: глухоту и немоту
Переборов, то не бумажки шелестят,
Мне шепчет повесть о себе седой солдат:
«...Слыхал дом Павлова? На выручку к нему
Мы проползали сквозь огонь по одному,
Стараясь выискать меж небом и землёй
Клочок пути, где не достать нас пуле злой...
Взорвалась бомба... И сквозь семь слоёв земли *
Мое сознание провалилось – погребли
Мой слух осколки, оторвало голос мой,
Как челн от берега волною штормовой.
Глаза открыл: лежу весь в белом, как в снегу,
И ни ногою, ни рукою не могу
Пошевелить.
Огромна тяжесть, как гора,
И что-то шепчет, наклонившись, мне сестра.
А я не слышу. Я ей что-то говорю,
Она не слышит. Свет, похожий на зарю,
Мне застит взгляд, как будто я сквозь кровь гляжу
И в ней светлинки голубой не нахожу.
Явь или сон? Как будто я в моих горах
Тащился медленно сквозь память на быках,
Из окровавленной январской белизны
Тащился медленно в глубины тишины.
И в этой тяжкой тишине он вдруг возник,
Далекий свист. И услышал я сам свой крик.
И вой, и грохот, и далекое «Ур-р-а-а!».
В халате белом медицинская сестра.
Мне снова что-то, улыбаясь, говорит,
А я лишь вижу, как губами шевелит.

---

* Бесконечная пропасть.

Так, значит, глух я, значит, нем? О мой язык,
Что слово каждое ласкал, как взглядом – лик
Моей любимой я ласкал. О слух мой! Слух!
Что – как у дикой был козы! Я нем и глух.
Убит мой голос. И убиты голоса
Моих рассветов, что глядятся мне в глаза,
Моих ночей, ночей бессонных, коим нет
Конца и краю вот уж сколько долгих лет.

Вот так-то, друг.
Теперь дожди шумят во мне,
И град грохочет, словно пули по броне,
И даже шелест стрекозы, как волосок,
Звенит во мне. И с ними я не одинок.
Во мне живёт любой травиночки напев.
Я лес мой слышу, слышу музыку дерев.
Ах, сколько ясно различаю чудных слов
Весенней ранью в ликовании ростков.
И сколько горечи в промозглый день сырой
В их увядании осеннею порой.
Но стоит только выйти из дому Айшат,
Все замирает. И тотчас пред ней спешат
Склониться травы, как, завидев, не дыша,
Пред ней склоняется всю жизнь моя душа.
Судьбе я кланяюсь её, судьбе Айшат,
Мне нет прощенья, я сам в ней виноват.
И если б все же свое сердце отдала,
Она кому-нибудь, когда б она смогла
Подумать только, что я мог забыть о ней,
Ах, всё равно земно бы кланялся я ей.
Прошу простить за откровенность, из мужчин
Кому открыться я могу здесь, ты один,

Хоть молод очень. Что поделатъ, на отца
Похож ты очень выражением лица,
Походкой, голосом. Мы были – как родня.
Меня он понял бы. И ты поймёшь меня.
Ушли вдвоем. Один вернулся я с войны.
А он какой уж год приходит только в сны.
С тех пор, как голос мой убит и слух убит,
Я глухотой и немотой с ним внешне слит.
Но как во сне мы разговариваем с ним,
И всё понятно и всё ясно нам двоим.
Так и с Айшат: всё говорю я что ни ночь,–
И немота и глухота уходят прочь,
И мнится мне: уходит прочь и пустота:
Я слышу всё, что говорят ее уста.
Так, друг без друга, мы друг с другом говорим
О том, как тяжело друг без друга нам двоим».

Его рассказ – клочок к клочку, листок к листку –
Я собирал в одну кричащую тоску.
И боль саднящую, которую вокруг
Слыхали роща и гора, река и луг,
И приносили, кто как мог, к окну Айшат,
И горьким эхом плач души ее назад
Летел, летел. Он до сих пор летит, летит
И рассказать об этой боли мне велит.

2

Я вспоминаю, как Муса пришел домой.
Я даже помню этот день, когда с зимой
Март распрощался и по улице села
Моя из щепок там флотилия плыла.
И прежде солнца, озарившего село,
Светило радости во все дома вошло.

А мама плакала. И это лишь потом
К нам похоронкой постучалось горе в дом,
И слезы радости и горя обнялись,
Как две сестры. И в моем сердце запеклись.

Те слезы, слезы! Как рыдали я и мать!
Тех слез, дай бог бы, малышам моим не знать!
Светлело небо. И звенящим серебром
На травы щедро рассыпался мирный гром.
В такой вот день, как мог прийти и папа мой,
Пришел Муса. Пришел солдат. Пришел домой.
Сперва одна, потом другая, а потом
Все больше женщин за солдатом шло селом.
Так подхватило мигом всех одной волной,
Их ожиданьем и надеждою одной.
И – все о братьях, о мужьях, о сыновьях,
Наперебой: «Хоть что-нибудь!.. Хоть в двух словах!..»
Толпа все ширилась, металась голоса.
Муса молчал. А что сказать он мог, Муса?
Качалась улица. От женщин, детворы
Темнела улица. И две его сестры
К нему пробиться не могли. А он устал.
Насуплен, хмур. Остановился вдруг и стал
Клочки бумаги каждой женщине вручать,
Так осторожно, будто вести злой печать
Была на каждом. Брали женщины клочки,
Что трепетали в их руках, как язычки
Огней далеких. Но, как облачки надежд,
Они белели среди темных их одежд.

Тут сестры к брату пробрались: «Наш милый брат,
Что ж ты молчишь? Ужели встрече ты не рад?
Ты слышишь?.. Люди, он не слышит нас совсем,
Он глух. О люди, он молчит. Он глух и нем.

Теперь для нас затмились солнце и луна,
О, что ты с братом нашим сделала, война?!»
Запричитали. И не ведали вокруг них
Другие жены, сестры, матери, что их
Потяжелей, чем это, горе завтра ждет –
Брат, муж иль сын с войны и вовсе не придёт.

Что будут горше их рыдания. А пока –
Пришёл солдат. Он долго шел издалека.
И ноги целы, руки целы. Скажет всяк:
«Живой же он! Побойтесь бога плакать так!»
Пришел солдат. И, как луч солнца на скале,
Он виден всем, он всем опора тут, в селе,
Где только вдовы да детишки. И теперь
С его приходом раскрывает радость дверь
Его так ждавшей – дорогой его Айшат.
А где ж Айшат? Вернулся к ней ее солдат.
Как одиноко со своей стоит судьбой
Она в толпе, где каждый занят лишь собой.
Она хоть издали, но смотрит на него,
А подойти к нему, коснуться самого
Она не может. Ей издревле не велят
Законы предков. И стоит, потупив взгляд.
А как ждала! Как выстилала в мыслях путь
Любовью, нежностью: придет когда-нибудь!
А как страдала! Даже горы в пыль долин
Ее страданье превратило б в миг один.
Равнины в горы превратило бы! А тут
Коснуться милого ей люди не дают.

А он... Он видит. Он видал ее всегда:
«Айшат – ты радость! А теперь – моя беда».

Кто это шепчет? Это шепчет его боль,
Его судьба – такая выпала им роль
В жестокой драме, потрясавшей столько лет
Мильоны душ, которым нет покоя, нет.
Он видит, видит. Но удерживать себя
Он должен, должен, будто взгляд свой ослепя.
Кому, глухой, немой он нужен? И зачем
Ей быть в обузу? Он вернулся не за тем.
Он будет рядом! Не вина её ни в чем,
Он будет небо подпирать над ней плечом,
Когда с другим она по улице пройдёт,
Не сразу пусть. Не через день, не через год.
Но так случится. Помогите ей в этом, Бог.
Пусть ступит счастье на её святой порог.

Так он решил уже давно. И, так решив,
Пришел домой, на сердце путы наложив.

3

Давным-давно все это было. Мне всего
Знать не дано в ее судьбе, в судьбе его.
Но только люди говорят, что у камней,
У двух камней, где он встречался раньше с ней,
То вдруг Мусу они увидят, то Айшат,
Но вместе их никто не видел, говорят.
И говорят, что под один из тех камней
Муса однажды положил записку ей.
А в той записке: «Ты прости меня, молю,
Но не могу, поверь, иначе, хоть люблю».
И тут, читатель, ты прости меня, прошу,
Я сам не знаю, то ли сказку я пишу,
А то ли быть. Но камни те слились в один,
Как две слезы в одну слезу тех злых годин.

И до сих пор у нас в народе говорят,
Что их Мусы давно расплавил горький взгляд,
Горючий взгляд, каким он много лет подряд
Глядит на прожитые годы, говорят.

И это правда или нет, не знаю я,
Но говорили мне, что, горя не тая,
Так скрытно плакала Айшат, что и река
От слез безудержных вдруг стала широка.
Что затопил вдруг берега её разлив,
Поляну ту, родную им, потоком смыв.
Так пробивает себе русло за года
Неудержимо вдаль бегущая вода.
Вот так, со временем, судьба Айшат себе
Её всевластно подчинила, ведь судьбе
Не скажешь «нет». Но «нет» не скажешь и любви,
Когда она уже кипит в твоей крови.
И хоть обида её жгла и горечь жгла,
Айшат любимого не видеть не могла.
Сама ль ходила, иль была в кругу подруг,
Куда б ни шла, а её ноги сами вдруг
Вели туда, где камни те в один слились,
Как будто горькие их судьбы обнялись.
С ним по утрам, умытым свежую росой,
Айшат шепталась, как в былые дни с Мусой,
Или сидела, молча глядя, глядя вдаль,
Где дом Мусы и где живёт её печаль,
Она глядела в его грустные глаза,
Или, как птица, поднималась в небеса.
Кружа над ним в Ольховой роще что ни день,
Чтоб, хоть и малой, но спасительною тень
Была бы в зной от её крыльев. А в ночи
Она волне речной шептала: «Помолчи!

Не грохочи, стуча, как бубен, камню в грудь,
Муса устал. Ну пожалей, дай отдохнуть!»

По вечерам, когда сидел он над рекой,
Она, как некогда, волос Мусы рукой
Касалась издали. А он лишь ощущал
Прикосновенье ветерка, что скор и шал,
Ерошил пряди, где уже свой белый след
На них оставили снега прошедших лет.
Прошедших лет. Неотвратимо взяв своё,
Они и в ночь, густую ночь волос её,
Их туго стянутую некогда копну,
Суровых нитей протянули седину,
Суровых нитей, из которых ни одна
Душевных мук ее заштопать не вольна.

Ах, годы, годы – вереница быстрых дней,
Уходят, словно табуны лихих коней,
Из тех ущелий, где состарилась Айшат.
Ах кони-годы, мчат и мчат, все мчат и мчат.
И стыдно ей уже бросать при людях взор
На дом Мусы, на холостяцкий его двор.
Но все равно, пускай не с ним, пускай с любой
Из двух сестёр его ей встретиться, порой,
Случится где-нибудь – она себя ведёт
Как их сноха: поможет тяжесть до ворот –
Корзинки, сумки – донести, как искони
Так у балкарцев повелось. И с ней они
То помолчат, то погрустят, а то всплакнут
И разойдутся. И тоски тяжелый кнут
Хлестнет опять. И скажет вновь себе юна,
Что так нельзя, встречаться с ними не должна.

Но так уж вышло. Её доля такова –
Она в селе – будто солдатская вдова.
И в этой горести все сущее вокруг
Её жалеет. Ей цветы подносит луг,
Прохлады тень ей предлагают деревья,
И жемчуг рос бросает в ноги ей трава.
Но что ей жемчуг, даже истинный, у ног!
Теперь ей только – чтоб Муса узнать не мог,
В снег превращаясь, ветку каждую в лесу
Укроет в стужу, чтобы тем согреть Мусу.
Слепящей молнией из трещины небес
Она сверкнет, чтоб мрак в душе его исчез.
А что ещё ей остается? Чья вина
В том, что случилось? Все война, война, война.
«Будь она проклята!» – кровиночкой любой
Кричит Айшат, кричат душа её, любовь,
По праву той, что стать женою не смогла,
По праву горя, что дитя не родила.
Не родила, не стала матерью она.
И все война. Будь она проклята, война!

4

Будь она проклята, война! Убить войну
Ушёл Муса, собою капельку одну –
Ещё одну – влив в океан людских сердец,
Что вышли яростно на вражеский свинец,
Ценою жизни, самой страшную ценой,
Убить войну, покончить с проклятой войной.
И он совсем не виноват, солдат Муса,
Что не сумел-таки свершить там чудеса.
А просто полз и просто в полный рост вставал,
Когда к атаке подавал сержант сигнал.

И он совсем не виноват, что часть пути
Он до победы из-за ран не смог пройти.
Не за медаль и не за орден шел в бои –
За власть родную и за горы шел свои.
И что с того, что не имеет он наград,
Он рад Победе. И, что жив остался, рад.
Я благодарен добрым дням моей судьбы,
В которых я с моим соседом рядом был.

Бывало, в стадо отгону его овец,
А он то яблочко мне даст, то леденец.
Мы собеседниками были много лет:
Вопрос – запискою, запискою – ответ.
Писал он кратко. Отвечал и я ему
Немногословно, два-три слова, суть саму.
Вот так тянули мы бесед недолгих нить,
На всю бы жизнь мне эту краткость сохранить.
Однажды, помню, написал он: «Не забудь
Сходить на почту. Может быть да как-нибудь
За столько лет поздравит кто-нибудь меня
Хоть с Днем Победы. Нет светлей на свете дня».
В тот день и молния сверкала и раскат
Гремел громовый: «Ты, газетчик, виноват!
Ты пишешь много обо всех. И о Мусе
Дай пару строк, пусть не на первой полосе».
Прости, Муса, не догадался я тогда,
Что взять с меня в мои зелёные года!
Быть может, всё, что я сложил до этих строк,
Была лишь проба, испытательный мой срок.
Смогу ли я найти достойную строку,
Чтоб передать твою любовь, твою тоску.
Прости, что поздно поздравляю. Снова май,
И День Победы! Поздравленья принимай!

Все эти строки о тебе. Прости, что смог
Я лишь сейчас тебе отдать мой давний долг.
Прости и тех, кто в суматохе, спешке дел
Солдатской скромности твоей не разглядел.
Прости, что я, о невнимании скорбя,
Винюсь за них, беру вину их на себя.

5

Передо мной два старых снимка.
На одном Айшат – не в темном одеянии своем,
В том, что было все в заплатках, как в листве
Заросший двор в осенней стылой синеве.
То платье нравилось Мусе. Глядит она.
Но всё равно песнь одиночества грустна.

Перевод Даниила Долинского

ЧЕТЫРЕ ЯБЛОНИ

Поэма

Светило, я слышал, в горах моих схоже
С желтым конем. Ну а всадник – рассвет.
И всадника нет на планете моложе,
Как и коня быстрходнее нет...

Я утро встречал за селеньем однажды.
Светило, примчав, чтобы гривой своей
Не только вершины – пригорочек каждый
Накрыть, как всегда, чтобы стало светлей,
Явило мне всадника в алой одежде!..

Он глянул и – травы вздохнули кругом,
И подняли головы злаки в надежде,
Что он напоит их целебным дождем.
И землю украсило вдруг пробужденье,
И тропы зажглись средь ущелий и скал...

И, пристально вглядываясь в селенье,
Как будто бы долго кого-то искал,
Спросил меня
(Может, это случайно,
Поскольку попался ему на глаза?!)
Мол, как я на свете живу? Как сельчане?..
А что я в ответ мог на это сказать?..
Спасибо, что Солнце несет над землю
Мой алый рассвет!.. Знаю я: без него
Я был бы пустою бездонною мглою,
Где, кроме мерцания звезд – ничего...
А так, – Алый Всадник свирелями ветра
И флейтами птиц, и звоночками рос
Меня пробуждает!..

Приходу рассвета
Всю жизнь рад я каждое утро до слез:
Примчится ко мне он и – есть я на свете!..
Слова мои слабы. И голос мой тих.
И век мой недолог...
А с ним – я и смерти
Сильней!.. Все могу я!.. Все – в силах моих,
С ним, Всадником Алым Рассвета!.. Повсюду
(Полмира, взойдя, он подносит к глазам!)
Он видит, что в мире творится, как люду
Сегодня живется...
Все видит он сам!
Он знает: мы ждем его вечно! И даже,
Когда на земле порождения тьмы
Пытались людскою золою, как сажей,
Затмить белый свет, знал он: верили мы,
Что он непременно взойдет – озарит нам
И небо, и горы, и души...
При нем,
Что было до этого темным и скрытым –
Его обнажается алым огнем!
Когда в бесконечную ада воронку
Зло землю толкало, живое кляня,
Он, как говорится, таил распашонку
Новорожденного – в гриве коня!
И стоило к ней потянуться со злобой
Стервятнику зла из небесных чащоб,
Как тотчас, обычно всегда яснолобый,
Он тучами гнева вдруг хмурил свой лоб!
И грома обрушивались удары,
И худо стервятникам было, когда
Летел Алый Всадник и молнии кары
На них насылал...

Отступала беда!
И веря, что путь не прервется к свободе
Могуче воскликнувших: «Мы не рабы!»
Он новой зарей осенял их в походе,
Неся свою алость к их стягам борьбы.
В Семнадцатом он, Алый Всадник Рассвета,
Над Зимним взойдя, что был яр и свинцов,
Стал неотделимым от алого цвета
Знамен – цвета крови всех павших борцов
За правое дело зари новой жизни!..
Дарящий бездонную синь небесам,
Все пропасти наши и наши крутизны,
Победы и беды – все видит он сам!
Кто с ним во всеведеньи смог бы на свете
Хоть раз потягаться? Никто! Испокон!..
И я, и селенье, и яблони эти, –
С плодами, чьи щечки алеют, как он, –
Видны ему, как на ладони!..
Немея,
Стоял перед ним я: что мог я сказать?
Пусть сам он расскажет – я так не умею
Ни словом сказать, ни пером описать...

Говорит Алый Всадник Рассвета

1

Замедляя свой бег,
Я увидел однажды среди скал:
Подо мной Солтанбек
В землю деревце утром сажал.

Говорил Солтанбек:
«У дарящего сладостный плод,

Долгим будет пусть век –
Пусть на радость Салиму растёт!
И да сгинет тот град,
Не дойдя до цветущих ветвей,
Что захочет наш сад
Превратить в груды стылых камней.
Ибо дерево и плод
Вековечны, как мы и сыны...
Продолжается род:
Мы на свете друг другом сильны!..»

Тяжело одному,
Одному – не сумеет ничего:
Помогала ему
Курманкыз, мать седая его.
Так сажал Солтанбек
Деревцо
У беды на меже:
Горя он не избег –
Время гарью дышало уже...
Только это – потом...
А пока что
Беда не видна,
За извечным трудом
И не мнится, что рядом – война,
Что она свою злость
Грозно копит в недалней дали...
Вот последнюю горсть
Уложив драгоценной земли,
Так сказал Солтанбек:
«Ты расти и цвети, деревцо,
Как растёт человек,
Что вот-вот сам взойдёт на крыльцо,

К свету солнца тянись –
Пусть лучом обласкает своим!..
И, как деревце, в высь
По годам поднимайся, Салим!..»

И сказал я тогда:
«Иншаллах!
Пусть же сбудется то,
Что приносит вода
Деревцам
На гранитном плато,
Что корням,
В их ночи,
В глубине,
Дарит жизни исток!
Пусть светила лучи
Греют нежностью
Каждый листок!
Солтанбека мечты
Пусть сбываются,
Каждая в срок!..»

Видел я с высоты –
Подошел он к Салиму:
«Сынок, –
и ладонь положил
на головку сынишке, любя,–
будто песню сложил –
деревцо посадил в честь тебя!
Мать и я, мы – уйдём,
Все на свете ведь не без конца.
Вам – остаться вдвоём...
Ты в ответе за жизнь деревца!

Будет много детей
Или мало –
Как будет дано,
Только в жизни своей
Посади деревцо!
Хоть одно!..»

2

Минул год. И опять,
Лишь ручьями задвигался снег,
Вижу:
Снова сажать
Деревцо
Принялся Солтанбек.

Тяжело одному,
Одному – не сумеешь ничего...
Снова в помощь ему –
Курманкыз, мать седая его.
В доме Аба одна.
Дом на это мгновенье затих:
Кормит сына она –
Сын второй народился –
И опять Солтанбек:
«У дарящего сладостный плод,
Долгим будет пусть век –
Пусть на радость Салиху растёт!..
Разрастайся, наш сад,
Чтобы яблоки с новых ветвей,
Коль не выбьет их град,
Брал Салих для себя и друзей!..»

Ну, а ветер сильней
Задувал из недалней дали,
Где темней и темней
Светлый лик становился Земли.

Я и сам в тех местах
Еле-еле сквозь тучи лучи
Пробивал,
Но впотьмах
Они тлели огарком свечи.

А людишки внизу,
Под коричневым их пауком,
Все в фугасы грозу
Набивали
И гнали силком
К теням черных знамен
Тонны мяса живого – солдат,
Чтобы мир, побежден,
Стал в их концлагерях –
Полосат...
Понял я:
И меня
Уничтожили б, если смогли,
Чтоб – ни солнца, ни дня, –
Только ночь средь просторов земли!
И на их рубеже,
Хоть еще не поддавшийся им,
Замышлялся уже
Гриб для страшных предтечь Хиросим!

Только это – потом...
Вздывают гриб, но – потом, не они:

Полыхнет под крылом
Хиросима в грядущие дни
И «холодной» войны
Поползёт удушающий смрад...
Но пока – не слышны
Канонады среди горных громад,
Но, лаская детей,
Говорит Солтанбек все равно:
«Каждый в жизни своей
Посади деревцо!
Хоть одно!..»

3

Да, фамилии – сын
Продолжатель!
А маме помочь
Кто в селе среди вершин
В горском доме рождается?
Дочь!..
Солтанбека мечты
Как высоко орел воспарил!..
Были тосты густы –
Солтанбек торжество закатил!
И когда тамада
Все сказал, что имел он сказать, –
Солтанбек, как всегда,
Снова деревце вышел сажать.

И пока Солтанбек
С Курманкыз
Там копались вдвоём –
Черной молнии сверк

Вдруг увидел я
На голубом.

И край неба тогда
Запылал,
И думами взошли
В небеса
Города
Чужедальней славянской земли...

Это я с высоты
Увидал...
А на горской земле,
Там, где склоны круты,
Было мирно и тихо в селе.

Глядя ствол деревца,
Солтанбек речь такую ведет:
«В мать лицом,
А в отца,
Верю я, дочь душою пойдет!
Дочка, свет моих глаз,
Светой – именем русским – зовись...
Деревцо в третий раз
Я сажаю – пусть тянется ввысь!..»
И опять Солтанбек:
«У дорящего сладостный плод,
Долгим будет пусть век –
Пусть на радость Светлане растет!..»
Поименно детей
Вновь назвал, будто глядя в лицо:
«Каждый в жизни своей
Посади – хоть одно –
Деревцо!..»

22 июня

О двадцать второе июня... Двадцать второе!..
Спит горца семья: он, жена и наследников трое.

Одна Курманкыз – заворочалась, встала и вышла:
Заря, занимаясь, зардела, как спелая вишня.

И смутные горы, навечно застывши волною,
Сквозь синюю дымку сверкнули уже сединою.

Идет Курманкыз... Лёгкий ветер передник колышет...
К сараю идёт. И корова шаги ее слышит,

И глазом косит, дожидаясь... И в это мгновенье
Из рук Курманкыз вдруг подойник летит на камень,
И – что-то случается в мире: заря застывает,
Окаменевает, хоть так никогда не бывает...

В гнездовье сова перепуганно прячется глубже,
И с яблони цвет молодой обрывается тут же,

И, закукарекав, петух, вслед неслышному грому,
Взлетает на жердь, повернувшись к хозяйскому дому *,

И хлопает крыльями шумно, как будто не может
Стряхнуть с себя то, что его и тревожит, и гложет.

«Кыш!.. Кыш!.. Чтоб под острым ножом ты нашелся!..» –
чычхыном **

Грозит Курманкыз, семена в одеянии длинном –

---

* Балкарское народное поверье: если петух кукарекает, повернувшись в сторону дома, то это к беде.

** Чычхын – прутья, чтобы отгонять телёнка.

Старинном извечном наряде всех старых балкарок,
Что строг, как их нравы, как трудные судьбы, неярко.

Чычхын из орешины жесткой ладонью сжимая,
Заходит она в хруст и шорох, и вздохи сарая.

А там уж у вымени чмокают губы телёнка
Сноровисто, быстро и смачно, и жадно, и громко –

Точь-в-точь, как река лижет камни, их тени волнуя,
Иль сладостно плещет, обрывистый берег целуя.

«Так что ж это было? Какое такое знаменье?
Ведро, грохоча, полетело из рук на каменья...

Петух заорал, повернувшись к хозяйскому дому...
Недобрые это приметы... Все это – к дурному...» –

Подумала так Курманкыз. Но – отбросила думу:
«Неловкою стала... Подойник наделал-то шуму...

Добро – малыши не проснулись... И Аба устала –
Всю ночь хлопотала над ними, к утру задремала...

А этот... Никак не наестся, все мамку терзает!...»
Теленок сосет. И с губы его пенка стекает,

Точь-в-точь – язычок колокольца... Вот-вот
колокольчик
Во всю зазвонит и – теленок свой завтрак закончит!

Но он не торопится – в мамкино вымя он снова
И снова напористо мордочку тычет... Корова,

Как всякая мама, блаженно глядит на ребенка,
И теплые полосы блещут на спинке теленка,

Когда языком, словно теркой шершавой и жесткой,
Она осторожно и нежно проводит по шерстке...

Да, каждая живность потомство заботливо холит!
Всю жизнь и она, Курманкыз, Всемогущего молит

Ни благ, ни щедрот даровать – долголетия сыну
И детям его: «И тогда я спокойно покину

Этот суетный мир!..» Стало женщины вечной судьбою
Вставать и ложиться с такой материнской мольбою...

Вот уж пена взошла над подойником – слава Аллаху! –
Как будто бы кто набекрень нахлобучил папаху.

И парным молоком задышало встающее утро,
Хоть оно уж металось бумажным корабликом утло

В океане смерчей, что уже затянули на горе,
Свои адские мертвые петли у жизни на горле...

И опять заорал, повернувшись к хозяйскому дому,
Беспокойный петух, оглушая рассветную дрему.

И летит его крик в поднебесье, и следом за криком
Курманкыз устремляет свой взгляд в беспокойстве
великом.

И – то крик впереди, а то – взгляд, друг за другом
гоняясь,
В запредельные тянутся выси, местами меняясь...

Может, было не так... Да и дело ли ныне в деталях,
Если вот она, рядом, беда – в громахающих далях,

Если, смутно догадку тая, в обступившей тревоге
В дом хотела бежать Курманкыз, но – ослушались ноги...

Зацепился чычхын о подойник и – белая пена
Растворилась в траве и камнях, осев постепенно.

Курманкыз побледнела и, сердца коснувшись рукою,
Застонала: «О боже, за что наказание такое?
В чем повинны детишки, особенно Света, меньшая,
Что желаешь ты этим сказать, молока их лишая?..»

Все в то утро валилось из рук: «Ох, дурные приметы!..»
Подгорала еда, не лежали на месте предметы,

И, что было особенно странно: вдруг вышла к свекрови,
Не обмыв свое тело, сноха... Это было ей внове!

Это исстари знаком недобрым является тоже:
Значит, с мужем своим не делила любовное ложе...

Ой, стара Курманкыз, перевидела в жизни немало,
К сердцу все принимала, хотя и не все понимала.

Но, чтоб столько примет на нее навалилось с рассвета,
Да и в утро одно... Это очень плохая примета!..

4

Над Европою ночь.
Смерть – хозяйкою в каждом доме.
Как мне людям помочь,
Если сам задыхаюсь в дыму?

За колючкой в плену,
На багровых камнях площадей –
В каждом взгляде тону
Обреченных на гибель людей.

В душегубке меня
Умертвляют,
Сжигают во рву,
Все живое кляня,
В пыль стирают...
А я?.. Я – живу!

Умирая в одних,
Оживая, как искры в золе,
Продолжаюсь в других:
Я – бессмертен,
Как Жизнь на земле!
Если б смог это враг –
Он глумился б за то надо мной,
Что я – красен, как флаг
Над великой свободной страной,
Да, как флаг этот, я!
Мглу стирать с неба ясного прочь –
В этом сущность моя!..

Но – крепка
Над Европою ночь...
Все орудья смели,
Небо никнет от тяжести туч,
Даже к пеплу земли
Сквозь их мглу
Не пробью я свой луч...
Ночь – и ночью и днем...

Но надеждой людские сердца –
Партизанским огнём –
Озаряют вокруг
Без конца!
Всей несметной ордой
Враг не гсасит надежды свечу –
Я на танке
Звездой,
На солдатской пилотке
Свечу!

Так, на желтом коне,
Алый Всадник Рассвета,
В боях
На великой войне
На врага нагоняю я страх –
Я солдат!
А в тылу –
Я рабочий, крестьянин – любой,
Разгоняющий мглу,
Ибо труд – это тоже есть бой!

Ну, а что Солтанбек?!
Я всхожу – он уже на ногах,

Не последний из тех,
Кто всегда – есть в колхозных делах.

Дома дети растут,
Слава богу, здоровы, как все,
Что с рождения тут
Любят бегать по свежей росе,
По тропинке крутой
Забираться на плечи скалы
И дышать красотой,
Высотой,
Где так близко – орлы!

Горцам высь подавай
Для гнезда,
Для любви,
Для борьбы,
Им орлиный их край –
Их бессмертный подарок судьбы!
Горец на гору влез,
Где лишь туров легчайших следы,
И – у самых небес,
На камнях, расцветают сады!
Вы ладони его
Расспросите
И плечи его –
На камнях ничего
Не растёт без него самого!

Он в ладонях таскал
И в корзинах таскал на плече
Груз земли,
Чтоб средь скал

Вишне рдеть и желтеть алыче,
Чтобы яблока шар
Восходил средь камней и светил
И щеки его жар
Горцу, будто бы лампа, светил!

Словно сад – весь, в заре,
Хоть три яблони в нем-то всего,
Так светло во дворе
Солтанбеку
От яблонь его!
И – три звонких зари –
Три мальчика
Тоже светят отцу...
Через месяца три –
И четвертому быть
Деревцу!..

Но война не дала
Солтанбеку
Дождаться мальчика...
И – повестка пришла!
А мальцу
Как же без деревца
Будет в высях родных,
Где два брата его и сестра
И три яблони их
Тень бросают на камни двора?!
И, пред тем, как навек
С гор родимых отправиться вниз –
На войну –
Солтанбек
В землю деревце врыл с Курманкыз.

«Будет горец рожден –
Назовите Азретом, – сказал
Солтанбек, – век бы он,
Что такое война – и не знал!..
Так прощай, мой Азрет», –
Прошептал, тронув тоненький ствол,
Посмотрел на рассвет,
Поклонился горам
И – ушел.

Для родных и друзей
И поныне звучит его речь:
«Берегите детей!..
И деревья прошу вас беречь!..»

Продолжает Алый Всадник Рассвета

5

Аба, Аба, нежна
И скромна ты душой,
И светла.
И тебе не нужна
В этом смысле моя похвала.

Всем известно давно:
Нрав горянок – высок он и тих...
А тебе суждено
Самой кроткою быть среди них.
Время то на арбе,
То – на яром летит скакуне...
До сих пор о тебе
Я молчал...
Ты прости это мне!

Я молчал. Но в тени
Никогда ты при мне не была,
Даже в чёрные дни –
Оставалась ты ликом светла.

Я искал тебя сам,
Я высвечивал каждый твой шаг,
Луч тянул к волосам,
Вился песенкой ветра в ушах.

И когда ты во двор
Выходила, небесно лучась,
Так светил мне твой взор,
Что мне больно глядеть и сейчас.

Нет хозяина. Пуст
Без хозяина дом.
Но в горах,
Пусть и горестно, пусть
Нежность теплится в женских глазах...

Взгляды женщин тех лет,
Одиноких средь каменных чаш –
Ожидания свет
Исходил из них, тих и щемящ!

Аба, если я днем
И тебе, и сироткам светил,
Согревая твой дом,
Что без мужа и летом был стыл,

Ты – и в холоде зим,
И во тьме безысходных ночей

Ожиданьем своим
Мне светила,
И болью своей!

Вижу:
Ходишь, скорбя
Средь безжизненных стен и вещей –
На плечах у тебя
Жизнь твоих четырех малышей.

Надо жить, ради них,
Надо стены дыханьем согреть,
Ради них, четверых,
Надо все превозмочь и суметь!

Хлещут ветры, губя
Зеленя, будто рядом – пальба.
Но в руках у тебя
Солтанбековых яблонь судьба!

Ты в ответе за них,
Ведь недаром с рожденья их тут
И Салим,
И Салих,
И Азрет,
И Светлана –
Зовут!

И еще – Курманкыз!..
Курманкыз...
Как погиб Солтанбек –
Хвори все собрались...
Свет очей материнских померк...

С вечной тьмою в очах
Отошла в свой приют на покой,
И тебя, и внучат
Осенив навсегда добротой!
Пусть сединами,
Пусть
И морщинами лягут года,
Пусть, одетая в грусть,
Той тропой не пройдешь никогда,
На которой свела
С Солтанбеком родная земля –
Ты счастливой была,
Это счастье с любимым деля!

А теперь он –
Салих
И Светлана,
Салим
И Азрет,
Как и твой, в четверых,
И его –
В них размножен портрет!

Опадает листва,
Нарождается снова листва
И свежа, и нова,
И – рождением права!

Как пошла в высоту
Яблонь стайка,
Вся в кронах густых,
Переняв красоту
Своих тезок, погодков своих!

Не повыбил их град –
Все четыре стоят на виду...
И лишь яблокопад,
Словно сердце,
Стучится в саду.

И пока мы живем,
Светим детям, садам, мы вдвоём –
Никакой ветролом
Им не страшен
И атомный гром!

Нас несметная рать –
Не прервётся содружества нить:
Я пойду отдыхать,
Ты им будешь собою светить.

Ты пойдешь – буду я
Даровать жизнетворный им свет:
На ветру бытия
Не обуглятся яблони, нет!
Им удобно среди нас –
И деревьям он нужен, уют...
Ах, как звонко сейчас –
Ты послушай! –
Деревья поют!..

Песенка яблони Салима

Среди зелёной рати
Нас, у крутой горы,
Сажали в честь трех братьев
И их одной сестры.

Я – яблоня Салима.
Взошли мы в грозный час:
Все облака шли мимо,
А тучи все – на нас!

Еще без шумных крон, мы
Держали к высям курс...
Но не успели корни
Земли изведать вкус,
Как затряслась округа,
Обрушились дома,
Густых осколков вьюга
Завыла, как зима.

Горами став, равнины
Вдруг к тучам поднялись,
А горы-исполины
Вдруг полетели вниз.

Под грохотом орудий
Деревья не могли,
Как звери и как люди,
Припасть к груди земли.

Ах, мать-земля родная!
Лес, парк или погост –
У нас судьба иная:
Стоим там в полный рост!

Верны извечной дружбе
Избравших этот путь,
Мы, чем трудней, тем глубже
В её вращаем грудь.

Все из нее мы вышли
За солнечным огнём,
И, чем трудней, мы – выше
И крепче с каждым днём...

Расту, людьми любима,
Как должно деревьям,
И яблоко Салима
Протягиваю вам!

Песенка яблони Салиха

Рвался ветер, как конь без удил,
Шёл свинец нас убить...
Кто деревья сажал – победил
Тех, кто шёл нас срубить!

Но в шуршании крыл лебедей
Что летят надо мной,
Все мне слышатся стоны людей,
Здесь убитых войной.

Но в осеннем волненьи травы
Мнится мне не впервой:
Над зарытыми заживо – рвы
Шевелятся травой.

Те, чьи носим мы все имена,
Как желал их отец,
Ногу вдели давно в стремяна –
К молодцу молодец!

Лишь сестра их ушла в давний год,
И – война в том виной.
Только дерево Светы цветёт,
Как невеста, весной.

И вдова Солтанбека – бела,
Как вершина. Она
Так недавно, я помню, была
Молода и нежна...

У вдовы – только горе в очах...
Горе силы дает
Уберечь Солтанбека очаг
От житейских невзгод.

Отстучал он давно в её дверь
В миг години той злой,
Белый лист, пожелтевший теперь,
С чёрной вестью былой.

Отстучал... Но до сей он поры
В её сердце не стих –
Гаснут люди, как гаснут миры,
Продолжаясь в живых!

Как похож на отца мой Салих!..
Счастье – в даях годов
Знать: он с веток срывает моих
Сладость алых плодов!

Песенка яблони Светланы

У горы на макушке
Золотится вихор...
С кукованьем кукушки
Входит утро во двор.

Поднимается в гору
Вызревание дня...
Говорят: в эту пору
Посадили меня.

Может быть, потому-то
И люблю я рассвет –
Лучше времени утра
Мне и времени нет.

Есть рассвет в слове «Света»!..
Рядом – братья стоят...
Алый Всадник Рассвета –
Мой ещё один брат!

Видел он, как, не горбясь,
На войну уходил
Молодой еще горец,
Что меня посадил,

Уходя спозаранку,
Обнял, сладких от сна,
Сыновей и Светланку,
В честь кого названа.

Пожила она малость...
Листьев падала медь...
Только имя осталось
Моей кроной звенеть.

Но, от лета до лета
В стужах выстояв зим,
Вновь рождается Света
В том саду, где стоим –

Кто моложе, кто старше –
Мы, листвою рябя...
Жизнь, рождать не уставши,
Продолжает себя!

Песенка яблони Азрета

Летом в космах дождя,
В круговерти метели – зимой,
Даже и заходя,
Солнце всходит над жизнью земной!

День и ночь, столько лета –
Мне светило открылось в дыму
Словно руки Азрета,
Простираю я ветви к нему.

Тот, кем названа я,
После смерти отца был рождён.
То, что в памяти я
Берегу – и не ведает он.

Опустившись с крыльца,
И не знает идущий Азрет,
Что глазами отца
Долго-долго гляжу ему вслед,

Как и те, что легли –
Солтанбек и мильоны других –
На просторах земли,
Чтобы дожили дети за них,

И не знают, надев
На себя гимнастёрки годов,
Что корнями дерёв
Все к ним тянутся руки сынов...

Но – по нашим корням
Все они, как Азрета отец,
Дарят нынешним дням
Свет их жизней и силу сердец.

И не этот ли свет,
Сей священный для нашей земли,
К тайнам дальних планет
Громогласно несет корабли,

Корабли, что творят
И Азрет, и Салих, и Салим –
Дети вечных солдат –
Каждый делом любимым своим?!

Жизнь от века мудра,
Светлым делом и словом нова!..
Пусть, как песни Добра,
К вам летят этой песни слова!

6

То, что я рассказал, не придумано мною.
Был тот горец иль нет, звали так иль не так –
Суть не в этом... Разбито немало войною
И сердец, и семей... Это ведает всяк!

Слава павшим героям и слава их вдовам,
Слава их матерям, слава детям войны,
Коим был озверелым врагом уготован
Смертный путь – навсегда в никуда – без вины.

Вечно здравствуй, заснеженных гор моих камень,
Здравствуй яблоня – каждая из четырёх:
Солтанбек ли поглаживал ветки руками,
Где заходится птичий переполох,
Или кто-то другой?.. Всё равно!.. Зрелость лета...

Краснобокие яблоки густо висят!..
...Вечно здравствовать вам, Алый Всадник Рассвета,
Солтанбек,
Курманкыз,
Аба,
Дети
И Сад!

Перевод Даниила Долинского

АЛИМ

*Памяти Героя Советского Союза
Алима Байсултанова, погибшего
в боях за Ленинград*

1

Село Яникой,
все – с ладонь, на бескрайнем предгорье.
Над Чегем-рекой
только мама, да люлька, да дворик.
Но волны опять:
расшумелись – в них сил изобилье.
И ты ощущать
начинаешь не сердце, а крылья.
Отваги ростки,
их земля сохранила для сына,
как силу реки –
дальних гор снеговая вершина...
Словами поэм
восклицаем мы: «Слава героям!»
Умением всем
монументы бумажные строим, –
историков дни:
собирай, изучай документы, –
делами они
на века написали легенды!..
Балкарии сын
в грозном небе, в ночах Ленинграда.
Летит – не один:
Шостаковича музыка рядом.
Штурвалы – в руках:
в сердце, в музыке – слово «защита».

Алим – в облаках,
на горячей земле – композитор.
В кольце Ленинград,
и конец той блокаде не скоро –
тебя защитят
люди, верные мужеству, город!

Алим! Сквозь года
ты приходишь к нам снова и снова.
Ты видишь: беда –
ты не встанешь за спину другого.
И солнце взойдет –
каждый листик в лучах его светел...
Свободен народ –
даже смерть – что в сравнении с этим?!

Угрозой иной –
не грозой над нескошенным полем –
встаёт над страной
день несчастья, день крови, день боли.

2

Сыновья!.. Как любила ты, Балкария, их!
Та любовь – вся надежда дней суровых твоих.

В честь рождения сына на селе курманлык *.
Продолжай свой обычай: у беды – тот же лик!

Драк фамильных не будет, но дорога крута,
и незрячая пуля где-то там отлита...

---

* Курманлык – жертвоприношение в честь дня рождения.

Ты твори свой обычай, ты затишью не верь,
слишком много ты знала в этой жизни потерь.

Пусть родятся, родятся сыновья, сыновья,
чтобы мир сохранялся, не взрывалась земля!

Пусть навстречу всем бедам встанут – бедам не быть! –
словно горы, что могут путь ветрам преградить!

Наши дети похожи на погибших в войну.
Беркут шлет беркутёнка покорять вышину.

Вновь огонь разгорелся, вновь раздвинул он тьму,
а казалось: осталось лишь потухнуть ему.

Тот огонь освещает люльку в доме моём.
И плоды, созревая, тем же светят огнём.

Тот огонь гладит маме все морщинки лица.
Он – бессменную вахтой над могилой отца.

Тот огонь и поэту крылья песни дарит.
Тот огонь от Алима. И Алим говорит:
«Люди просят участия – трусом в жизни не будь!
И по утрам к соседу заглянуть не забудь!
Дай лекарство больному, слово ласки скажи!
Всем, кому это нужно, помощь ты окажи!
Ястреб в небе летает – ты его обезглавь!
Кто-то с подлостью дружен – пулю в зверя направь!
Для живущих лишь это всех превыше забот.
И поэзия тоже этой правдой живёт.
Я, Алим Байсултанов, той же правдой богат,
потому и сражался за тебя, Ленинград!
Прожигают подолы слёзы жаром своим...
Ходят матери в чёрном. Не вернёмся мы к ним...»

Я – по долгу поэта и сына –
 славлю слово священное – мать.
 Горной речке утеса не сдвинуть –
 ветру жизни ее не сломать!
 И бельё до утра не забыто –
 всё постирано. Ночи пора,
 да ещё – и прядение ниток,
 и вязанье платка до утра!
 Мать, – в заботе, в движенье бессрочном, –
 как не знавший покоя ургуч *.
 Вся приветливость, нежность. Вся – точно
 из-за тучи прорвавшийся луч.
 Мать, – глаза, словно звёздные ночи, –
 даже в праздник, платок беребя,
 в зеркала заглядеться не хочет,
 по-девичьи стесняясь себя.

Вечер... Дети и муж... ты устала...
 но об этом забыв, как всегда,
 ты их кормишь, все думая: «Мало»... –
 материнских забот череда.

Ты их, милых, спасаешь от грома,
 даришь дни, что без тучек – чисты.
 Скажем так: «Сотворение дома...»
 Кто здесь бог? Кто создатель здесь? – Ты!

Руки добрые, годы и годы
 тесто б ставить вам, ягоды мять!
 Но нахлынуло! – раны народа
 перевязывать призвана мать.

---

* Ургуч – предмет для сбивания масла из молока.

Это мудрого сердца основа:
в смерче крови, страдания, огня
о любви не промолвить ни слова,
высоко это чувство цenia.

Это мудрого сердца искусство:
дом, ребенка и мужа, любя,
спрятать в час испытания чувства,
все опасности взять на себя.

И не дому теперь, а народу
отдавать – так велела война –
хлеб до корки, до капельки воду,
все – до крошки! – со дна чугуна.

Дни над пропастью шли ледяною,
сиротели родные края,
ты жила лишь надеждой одною, –
о надежда – молитва твоя!

Повторяла ты снова и снова,
не смыкая обветренных век:
«Сын, да будет он вечно здоровым!
Сын, да помнит, что он – человек!»

Нестерпимо! Так страшно! Так больно!
Жизнь на голые доски стола
положила конверт треугольный,
ну, а сына в могилу взяла.
Сын героем погиб в наступленье, –
нет, не легче от этого ей.
Не шепчите слова утешенья:
разве слово вернет сыновей?!

Мать Алима! Ты жизнь отдавала,
Только б сын рос душою богат.
Ты была терпеливей металла,
что в огне к наковальне прижат.
На виду ты сегодня проносишь
честь свою, оставаясь вдали, –
так деревья, цветы и колосья
носят гордую совесть земли.

4

Счастье дерева: весел и звонок
дождь весенний – оно под дождем...
Счастье матери – только ребенок,
и заботы всей жизни о нем.
Счастье солнца, средь листьев малина
на закате алей и алей...
Счастье матери – подвиги сына, –
и тогда ей в могиле теплей.

Мать – защитница нашего детства,
мать, как огненный факел светя,
знает, ведает: «Счастье – в наследство
людям, миру оставить дитя».

5

Говорят о характерах лица,
но по лицам понять не дано:
к злumu ль, к добромu сердце стремится,
что от нас затаило оно?

В сердце бьется ли пламень нетленный,
или слаб тот огонь до того,

что, шипя, как сырое полено,
он не греет себя самого?

Может быть, и пытаться не нужно
знать про тайны, что скрыли сердца?..
Нет! Огонь проверяется дружбой,
в ней все души ясны до конца.

Кто тебе в час, что труден, что грозен,
как спасение необходим?
Друг, который не струсит, не бросит.
Друг единственный – верный Алим.

Мой народ! У тебя не просили
дружбы: если в крови и огне
над людьми совершалось насилие,
ты всегда был на их стороне.

В этой дружбе балкарцы мужали,
были верности правой рукой,
и Балкарию все уважали,
и ее я не помню другой.

Не во имя ли дружбы и братства
над балтийской водой голубой
шел Алим Байсултанов сражаться
в первый бой
и в последний свой бой?!

Не во имя ли их озарила
в наше время Балкарии новь
цветом зреющих ягод кизила
та, Алимом пролитая, кровь?!

Дружба – мужество нашего сердца,
хлеб насущный, гранита скала.
Мы – как будто бы все уроженцы
одного и того же села.

С этой дружбою несокрушимой
все невзгоды осилит народ.
Дружба – верные крылья Алима.
Гордо реет его самолёт!

6

– Ты кто, Алим?
Ты поведай нам
так, чтоб мы смогли
рассказать друзьям.
– Я скажу... Трава
на твоём пути,
но мои права –
в дом любой зайти.
О дощатый кров
прошуршать к утру,
накормить коров,
послужить добру...
– Ты кто, Алим?
– Матерей покой.
– Ты кто, Алим?
– Детский смех рекой.
– Ты кто, Алим?
– Я – любовь невест.
– Ты кто, Алим?
– Счастье здешних мест.
– Ты кто, Алим?

– Я – зазнайства враг.
Я с людьми земли
против войн и драк.
– Ты кто, Алим?
– Я – судья судьбе,
где ничто – другим,
ну а все – себе!
– Ты кто, Алим?
Ты поведай нам!..
– Я – народа сын, –
так скажи друзьям!
Я своей страной
и судьбой богат:
Чегем – дом родной,
подвиг – Ленинград.
Я красивых слов
не бросал в пути.
Мне в огне боев
довелось идти.
Ну, а умирать –
умирать в бою.
Жалко было мать,
только мать свою...
– Ты кто, Алим?
– Карандаш бери,
верь словам моим
и рисуй, твори!
Нарисуй, мой друг,
мир, что светел вновь.
Я – тот свет вокруг,
в основанье – кровь...
– Ты кто, Алим?
Ты поведай нам

так, чтоб мы смогли
рассказать друзьям.
– Говорю опять:
я – народа сын...
ты им должен стать! –
Так сказал Алим.

7

А ты вот так на этот мир взгляни:
земля чего не вынесла от века!
Там, где прошли дороги человека,
там памятники встали в наши дни!
Они стоят, суровы и стройны, –
как бы земля с мольбой простерла руки:
зачем они, бессчетные разлуки
мои с людьми земли из-за войны?!
«Ты не ломайся на пути, арба!
Очаг, да ты не будешь обворован,
чтоб каждый день нам видеть снова, снова:
дымок над мирной кровлею труда!» –
так памятники тоже говорят
и смотрят жадно вдаль, неуголимо –
и памятник бессмертному Алиму,
и памятники тех, кому он брат.
К тем памятникам ходим я, и ты,
и юных пионеров поколение
с любовью и сыновьим уваженьем
вдоль мрамора высаживать цветы.
И очень часто слышим там одно,
в часы восхода и часы заката:
«Любите матерей своих, ребята! –
Так памятникам чувствовать дано! –

Заплачет мать – печали утоли,
язык свой обожги ее слезами:
ведь в этой жизни мы не вечны с вами,
не вечны, нет – все матери земли...»
О Памятники, вы – эпохи взгляд!

Перевод Владимира Торопыгина

БАЗАР

Рассвета в тенетах ночных не видать,
А протолкнуться нельзя на базаре.
Купить задарма, подороже продать
Все норвят в непонятном угаре.
И дружно толпятся с темна до темна –
Настежь открыта здесь зрителю сцена,
Где что ни возьми – у всего есть цена.
Совесьь одна непродажна, бесценна!
Здесь краски и запахи, крик, теснота.
Хитер продавец, тороват покупатель.
Пусть все продается, но совесьь чиста!
Она не продажна, – ты слышал, приятель?
Дешевле... Дороже... Есть разный товар.
Пестрые цены на пестром базаре.
Не сделками с совесьью славен базар,
Когда на базаре торговля в разгаре.
Продай все, что хочешь, а совесьь храни,
Не разменяй, продавец, ненароком!
Дом строится долго, бессчетные дни,
А можно порушить в мгновение ока.

Перевод Аркадия Кайданова

ГЛОТОК ВОДЫ

Птичье гнездо, как дрожащее веко –
Безоблачной сини не видно над нами.
Весь мир цепенеет, как будто от века
Он атомной бомбой и страхом храним.
Дрожащие твари в мудрость людскую
И в человечность поверить хотят...
А человек, обреченно тоскуя,
Собственной силе, похоже, не рад.
Нет, не бессмертья ищущий я на свете –
Всего лишь воды родниковой глоток.
Многого разве хочу я, ответьте,
Пытаясь прозрачный найти родничок?
В зной и в распутицу я по дороге,
Проложенной дедовской тряской арбой,
Должен спешить в леденящей тревоге
За Землю с неясной и грозной судьбой.

Перевод Бориса Романова

ДО, ВО ВРЕМЯ, ПОСЛЕ ВОЙНЫ

1

– В каком посажены году
Четыре яблони в саду?
И почему они грустны?
– Все начиналось
До войны...

– С каких посевов и полос
Берёт начало наш колхоз,
Не самый младший у страны?
– Все начиналось
До войны...

Блестят на солнце стремяна,
Мой конь летит сквозь времена,
Где эхом гор слова слышны:
«Все начиналось
До войны...»

И наши деды и отцы –
Еще куда как молодцы –
Вступают в эти времена
И детям дарят имена.
Во снах своих и наяву
Из детских лет друзей зову,
Но имена их не полны
Без памятного
«До войны...»

Я говорю:
«Не порвалась
Меж старшими и нами связь!»
Мой друг к истокам путь торит
«И не порвётся!» –
Говорит.
Желая нас предостеречь,
Старик заводит с нами речь:
«В своем стремленье – поскорей
Достичь неведомых морей
Не дай вам бог
Быстрее птенца
Забуть про мать
И про отца».

2

«Четырёх сыновей
Во время войны,
Четырёх братьев
Во время войны
И мужа
Во время войны, –
Всех потеряла.
Не было за ними
Никакой вины.
Но была война...
Все пред нею равны», –
Мать, как в бреду, повторяла.

Высохла и осыпалась рожь,
Поле изрыто норами сплошь.
Горбятся доли,
Горбятся горы.

Озими голы,
Пажити голы,
И небеса тяжелы и темны
От беспросветного дыма войны.

Не до смиренной молитвы старухе.
Руки, как корни,
Землисты и сухи,
Руки ее,
Перемерзшие в холод,
К небу простерты;
Воздух расколот
Страшным проклятьем
Године лихой! –
Да содрогнется,
Кто не глухой.

Плач ли по брату
Во время войны,
Плач ли по сыну,
Плач ли по мужу
Ищет приюта
Среди тишины,
Корчится в стыни,
Ёжится в стужу
И не стихает
После войны.

3

После войны
Прогревалась земля,
Медленно, но оживали поля
После войны.

Раны бинтами надежд бинтовались
И рубцевались
После войны.
После войны,
Окаянной и страшной.

После последней в боях рукопашной,
После войны
Вновь снеговые светлели вершины
И возвращались с победой мужчины:
Братья,
Мужья
И сыны.

И оттого, что не все возвратились,
Плачи бездольные
Не прекратились
В отчет краю.
Пусть не беднее,
Но как сиротлива
Вдовьей слезою
Политая нива
В отчет краю.
Нет безутешней и горше разлуки.
Но подрастают за внуками внуки
После войны –
Нерасторжимы извечные звенья! –
Крепкою спайкой сильны поколенья
До,
И во время,
И после войны!

Перевод Владислава Бояринова

ХМУРОЕ НЕБО

1

Об отце и матери поклялся
Написать, и не один раз брался
За перо, и говорил: «Пора!..»
Но звучал далекий рокот грома,
Но темнели небеса багрово,
И гроза ревела до утра.

И деревья надо мной склонялись,
Камни в пропасть с грохотом срывались,
И тряслась скала над головой...
Я бессонно думал об Отчизне, –
Снова двадцать миллионов жизней
Ясно представали предо мной:
«Мощью ветра, громом, светом молний
И огнём – слова свои наполни,
Чтобы память ожила и жглась.
Двадцать миллионов нас, ты слышишь! –
Но сначала – напиши о нас...»

2

Ничто на земле
не вечно.
Свистит по лесам
листопад,
И снова
на Белою Речку
Осенние листья
летят.
Лютует осень и злится.

Холодом
тянет с реки.
Летят
багровые листья
И гаснут,
как огоньки.
Безжалостны
стылые ветры,
В которых листьям –
сгореть.
Им на родимые ветки
Больше уже
не взлететь...
От времени
не отстраниться,
Не спрятаться,
не уйти –
Года обрывая,
как листья,
Время
над нами
свистит.

Но взгляни,
всесильное время, –
Снова перед тобой
Очнувшиеся деревья
Шумят
зеленой листвой.
Где гибла трава,
увядая,
Где пепел был
да зола –

Счастливая и молодая
Цветет по весне
земля!
И зеленеют саженцы...

Но на закате дня –
Думы,
как тихие всадники,
Обступают меня,
Ждут от меня ответа:
В мире –
и радость, и свет –
Но что до всего до этого
Тем
Кого уже нет?!
В мире твоём
обновлённом,
В цветущей
мирной весне –
Нет двадцати миллионов,
Погибших
В последней
Войне!..

Сменится
закат зарёю,
Расцветут
и увянут цветы,
Всесильное время
с землёю
Горные сровняет хребты,
Но что
оно сделает с теми,

Кого уже нет в живых? –
Вовек
не прибавит время
Ни года
к возрасту их,
Ни года у них
не отнимет..
Изменяются материка –
Молодые останутся молодыми,
Стариками останутся старики.
Одни созвездья
угаснут,
Другие
вспыхнут во мгле,
Но время
уже не властно
Над теми,
кто спит в земле.
Пребудут они
неизменны
В памяти
живущих людей –
Те,
кто спас эту землю
Ценою жизни своей!
Поле они не засеют,
Но пустым
не будет оно –
И прорастёт,
и созреет
Брошенное в землю
зерно.

Зови, не зови –
не ответит
Хранящая их
глубина,
Но приходят
в мир этот
дети
И носят
их имена!
Я прохожу
с поклоном
К лежащим
в земной глубине –
Ко всем двадцати миллионам,
Погибшим
В последней
Войне...

3

Высокие травы горели –
Земную
вы приняли боль,
Сжимали зубы,
терпели
И шли без оглядки
в бой.
Войне
незнакома жалость,
Несет она
зло и разор,
Но встали вы
и сражались...

Мы помним вас до сих пор.
И павших солдат
сквозь время
Прошел...
Я услышал вас во сне –
Как,
горлом хрипя
простреленным,
Он
обращался
ко мне:
«Если братья ждут твоей подмоги,
И поскачешь в ночь по дороге
На коне, в серебряном седле,
Но вернешься, испугавшись битвы,
Знай, напрасны слезы и молитвы –
Нет тебе прощенья на земле!
Насмерть стой за наши убеждения,
Если ж в дымном грохоте сраженья
Сердце их твое не защитит –
Трусом назовут тебя презренным,
Братья не простят тебе измены,
Родина измены не простит.
Если враг в страну твою ворвался,
Чёрным вихрем над землей промчался
И отцовский дом твой разорил –
Знай, земля от горя содрогнётся,
Высохнет вода в твоём колодце,
Если ты врагу не отомстил.
Если ты простил ему обиды,
Поклонился, чтоб не быть убитым, –
Соберутся тучи над тобой,
Стужею дохнет студёной с неба,

И земля, засыпанная снегом,
Навсегда останётся седой.
Если друг был дан тебе судьбою
И одной мечтою жил с тобою,
Радости и горести деля...
Но его оставил ты в несчастье –
Не ищи ни в ком к себе участия,
Проклянет тебя твоя земля.
Человек для дел высоких создан,
Так стремись мечтой своею – к звёздам,
Соверши, что долг тебе велит,
Если ж ты о долге позабудешь,
То тебя простить не смогут люди,
И земля родная не простит.
Погляди: полнеба полыхает,
В мире ни на миг не затихает
Вечная борьба добра и зла.
Если ты в борьбу не вступишь эту –
Значит, зло отпразднует победу,
Не простит вовек тебя земля!..»

4

Слово павших:

«У смерти
железная хватка,
И пальцы её
не разжать, –
Из этих
курганов горбатых
Нам больше уже
не встать,

Но мы
оставляем слово,
Как клятву
и как наказ,
Ради всего живого,
Услышьте,
потомки,
нас!..
Не встать нам
с ясной зарёю...
Деревьев
нам не сажать,
Домов
нам уже не строить,
Детей
своих не обнимать...
Но если бы
хоть по дереву
Каждый из нас
посадил, –
В пустынях,
нами возделанных,
Сплошные
цвели бы
сады!
Но если бы
своими руками
Каждый –
построил дом, –
Земля бы озарилась
огнями
Невиданных городов!
Но если бы

хоть по ребёнку
Дано было
вырастить нам, –
Выросла бы
из наших потомков
Целая
большая
страна!..
Хлещет
ливень весенний,
Сменяется
ночь
зарёй.
Легли мы
в сырую землю
И сами стали –
Землёй.
Помните! –
от пожара
Теперь её вам
беречь,
И если враг,
угрожая,
Поднимет
тяжелый меч, –
Встаньте
надёжной стеною,
Сомкните
свои ряды.
Закройте
землю собою,
Спасите её
от беды,

Тревожно
и сурово
Звучит
наш последний
наказ,
Ради всего живого,
Услышьте,
потомки,
нас!..
Честно
служите Отчизне,
Пусть цели будут
чисты,
Пусть прямо
ведут вас
по жизни
Высокие ваши
мечты.
Пусть будет
ясен и светел
Небес
простор голубой,
Землю оставьте детям
Счастливой
и молодой,
Идеями мира и братства
Сильна наша кровная связь.
Живите!
Пусть вами гордятся
Те,
кто придут
после вас».

* * *

В час,
когда писал я строки эти,
В комнате моей
шумели дети,
Бегали, играли, взад-вперёд...
Но когда
бывает в доме
пусто,
Что мне
вдохновенье и искусство:
Нет детей –
работа не идёт.
Если дочь
заплачет за стеною,
Беспокойно сердце моё ноет,
Я с тревогой
думаю о ней...
Если сын мой
весело смеётся,
Тотчас
мое сердце
отзовется,
И весь мир мне кажется
светлей.
Мирный дом
насквозь пронизан солнцем.
Верю я –
несчастья не стрясётся
Ни с семьёй,
ни со страной моей...
Но я знаю –

в мире беспокойно,
Хищные
по свету бродят
войны,
Целятся они –
в моих детей.
Я стихи в тревоге
забываю
И детей
к груди я прижимаю,
Боль и гнев
рождаются в душе...
Знаю –
силы тёмные не дремлют,
Превратить мечтая эту Землю
Хрупкую –
в ракетную мишень.
Жизнью всей
оберегать я призван
Совесьь,
честь
и труд моей Отчизны,
Будь спокойна,
Родина моя.
Родина,
ты помнишь,
как когда-то
Надо было –
Стал отец солдатом,
Надо будет –
Стану им
и я!

Как равновесие шатко,
Неспокойна
планета Земля –
Идёт
жестокая схватка,
Встанет
добро против зла.
Каждый,
кто сердцем честен,
Вставайте
в наши ряды,
Сильны мы,
когда мы вместе
Защищаем мир
от беды.
Ночь на краю планеты
Клубится
темна и густа.
Но даже от лучика света
Расходится
темнота.
Никто
не задержит утра
И солнца
не заслонит,
И вечно добро
и мудрость,
Я верю –
оно победит!

Об отце и матери поклялся
Написать, и не один раз брался
За перо, и говорил: «Пора!..»

Но звучал далекий рокот грома,
Но темнели небеса багрово,
И гроза ревела до утра.

И деревья надо мной склонялись,
Камни в пропасть с грохотом срывались,
И тряслась скала над головой...
И опять я думал об Отчизне, –
Снова двадцать миллионов жизней
Ясно представали предо мной:
«Мощью ветра, громом, светом молний
И огнём – слова свои наполни,
Чтобы память ожила и жглась.
Двадцать миллионов нас, ты слышишь –
Об отце и матери напишешь,
Но сначала – напиши о нас!».

Перевод Владислава Артёмова

ПЕРВАЯ ЧЕЧЕНСКАЯ

Поэма

1. Цвет снега

Алой кровью окрашен
дымящийся снег...

Кайсын Кулиев

Цвет снега изменился: он стал алым.
Тому виною кровь, а не закат.
Разрывы бомб грохочущим обвалом
ревут и эхом множатся стократ.

Столбы огня от края и до края
меняют первозданный мирный вид,
и пучится земля вокруг, страдая,
буграми надмогильными пестрит.

Изрешетили воздух автоматы,
и в корни огрубелые как есть
вжимаются леса – их все когда-то
рубил, чтоб не пряталась в них месть.

А между тем, когда от подлой пули
пал Лермонтов, то пуще, чем друзья,
о нем скорбили здесь, в любом ауле, –
земле забыть подобное нельзя.

Воспоминанья, в пропасти не сгинув,
вновь воскресают, садня и боля.
Ермолов привстает и Вельяминов –
не миловала эта их земля.

Растаял снег! Земля сполна раскрылась.
Покой разрушен, воля – та вдали...
Неужто миновала мира милость?
Покрыл огонь суровый лик земли.

Мешаясь с кровью, месят тесто мести
земля и ветер, спятивший с ума.
И шагу не ступить в коварном тесте –
коль пламя пощадит, изгложет тьма.

Ни волка, ни собаку я от века
судить не тщусь (дурной советчик – злость),
но снег – земли седины... человека,
который их почтил бы, не нашлось.

И справедливость, и добро уснули,
не их рукам вертеть сегодня руль.
Взамен переговоров – только пули,
и нет национальности у пуль.

2. Потоки лжи

Ложь никому на свете не поможет
И никого на свете не спасет.

Михаил Дудин

Суетятся вороны – от запаха крови
возбуждаясь, взлетают, снуют и кружат,
а в эфире сегодня ни слова нет, кроме
лжи бесстыжей, махровой: рот правды зажат.

Где она в этом скомканном, сгорбленном веке?
Лжи потоки скрывают её в глубине,

А с экрана подробно толкуют о Мекке
те, кто Мекки не видывал даже во сне.

Негодяи заходятся в лживом экстазе,
от добра заковав своё сердце в броню.
Из Москвы тем, кто прожил всю жизнь на Кавказе,
о кавказской войне преподносят стряпню.

Наши башни старинные в этаким хоре,
им знакомом, готовы сгореть от стыда.
Они видят: опять над чеченцами горе,
навалилась опять на их землю беда.

Ветер, утра дождавшись, не ластится к росам,
на цветы ему время терять не с руки –
весть горячую нам он приносит с вопросом:
«Почему управляют страной дураки?»

Воет ветер, безумным охвачен разбегом:
вся Чечня превратилась в одно Сауту*,
и не надобен саван, все скроется снегом,
а призывы о правде летят в пустоту.

Мы невежд проклинаям надутую свору,
что, не в силах распутать, рвут, изверги, нить,
но откуда пошло – всех косить без разбору,
а потом уж прощенья за это просить?

---

* Поселение в Верхней Балкарии, сожжённое во время Великой Отечественной войны своими же войсками.

3. Как жить?

Пока на земле существует
насильственная смерть,
поэт должен погибать первым.

Поль Элюар

Жаннет * не открывает нам дверей,
как будто недостаточно поэты
об этом молят. Шепчет суховей:
у времени совсем не те приметы.

Насилье, угнетенье – не смогла
их жизнь отринуть навсегда, навеки;
они опять вскипают, как смола,
и выжигают сердце в человеке.

А мы свой добывали потом хлеб,
всегда всем сердцем человечность чтили...
Для сытых образ жизни наш нелеп,
они одной лишь кланяются силе.

Переселенье – это не беда
в сравненье с тем, что делается ныне
в Чечне многотрадальной, без стыда
смертельной уподобленной пустыне.

Как вырваться из этого узла?
Ведя себя разнузданно и гнусно,
никак мы не избавимся от зла –
на путь добра не так легко вернуться.

---

* Жаннет – рай.

Куда сподручней устремиться вниз,
чем истину сполна прозреть простую.
«Любой ценою выжить!» – вот девиз,
что жизнь цены лишает подчистую.

Когда строною правят дураки,
то девушки, уже не веря чуду,
повязывают черные платки –
у нас, в Чечне, в России и повсюду.

Земли мне слышен полный муки стон,
поля кромсают танковые траки,
а кто-то потирает руки – он
нагреть задумал их на этой драке.

Их наставлять – лить воду в решето.
Хоть путь мой испытаньями не беден,
я жизнь свою не ставлю ни во что –
из-за бессилья помощь дать соседям.

Скрывать лицо от мёртвых и живых
мне стыд велит. Зовут поэтов войны,
но такова судьба, что этот стих
я в Нальчике пишу, вдали от бойни.

В земли орбиту дьявольский изгиб
прокрался, солнца ход смутив при этом...
Я первым там не сгинул, не погиб –
так как же называться мне поэтом?!

4. Стыд

Если увидишь совестливого,
не спрашивай, где он живёт.
Если увидишь типчақ,
не спрашивай, что это за земля.

Балкарская народная мудрость

Те, кто слова нам даровали эти,
ценили жизнь, как нам не оценить.
Мы поняли, как трудно жить на свете,
коль порвана традиций давних нить.

Какой сегодня толк искать виновных?
В ночь поседела разом вся трава,
дорог в Чечне уже не сыщешь ровных,
и солнце в небе теплится едва.

Заледенели кущи водных веток –
не рассыпаться водопадам всласть,
и музыка в «Балкарии рассветах»*
замерзла тоже и оборвалась.

Не ведая, к кому идти с протестом,
изгнание познавшие сполна
балкарцы обратились к Богу сердцем –
ведь даже белизна и та мутна.

Как при чуме, лишь ветер да собаки
вой поднимают на земле пустой,
что истерзали танковые траки,
людей лишая радости простой.

---

*«Рассветы Балкарии» – ежеутренняя радиопередача на балкарском языке.

Озимые покрыла кровь густая –
воронам даже страшен этот вид.
Не ждать на огородах урожая –
земля такого зверства не простит.

Мы, мудрость унаследовав, не скажем:
«Из-за бульона выпал этот зуб» *, –
но как теперь в единое мы свяжем
мир, что так нежен, с миром, что так груб?

Кто совестлив, тому безмерно стыдно
в такие сокрушительные дни,
но разуму здесь выхода не видно,
и плещутся эмоции одни.

О человек! Щепя, несомая потоком!
Поддержкой для души – лишь дочь твоя иль сын,
а те, кто убивал детей в чаду жестоком,
в День Судный пред Творцом ответят как один.

5. Светлана Сорокина **

Глаза твои сейчас наполнены слезами...
Светлана, не стыдись, вся выплачься, до дна!
Ты – будущая мать, и слезы льются сами,
когда такую весть ты вымолвить должна.

Всем тем, кто зло творит, придет пора ответа!
Тебя бросает в дрожь казенное вранье?
...В изгнание умерла моя сестренка Света –
хочу, чтоб ты в свой век жила и за неё.

---

* Так говорят о бессмысленном скандале.

** О вводе войск в Чечню первой сообщила диктор ЦТ Светлана Сорокина со слезами на глазах.

Твой подвиг – этот плач, а негодяев горстка
когда-нибудь уйдет в творимый ею ад.
Оплачь мою сестру как женщина, как тезка,
и тысячи других мальчишек и девочек.

Они ведь все свои для матушки России!
Не нам с тобой судить, кто прав, кто виноват,
но дети никому на свете не чужие,
и да воздастся всем за муки их стократ.

Плачь, Света, плачь! И я с тобою горько плачу,
хоть это, знаю сам, мужчинам не к лицу,
но, коль зима черна, куда я слезы спрячу,
в какой пещере жить, в каком сидеть лесу?!

Снаряды пристыдить, увы, никто не может,
и в черном замерла пресветлая мечта –
зачинщиков войны ей в будущем поможет,
как строгому судье, судить одежда та.

Светлана, горьких слез не утирай поспешно...
Взгляни: и снег идет, как слезы из-под век.
Он по прямой летит, безмолвно и безбрежно,
он словно бы решил не перестать вовек.

Он словно хочет кровь укрыть под пеленою,
но это и ему, поверь мне, не дано.
Лишь кровью тех сердец, что скованы броней,
возможно кровь омыть – уж так заведено.

Плачь, Света! Тает снег от пламени и крови,
и над моей землей опять вскипает мгла.
Кавказу ни огонь, ни произвол не внове...
Спасибо, что хоть ты слезами помогла!

6. Зимняя мелодия

Белое, отбеливание, белизна – жизнь
создана для таких вещей, но никак не
может с ними соприкоснуться.

Балкарская народная мудрость

С мелодией светлой лететь снег на землю задумал,
мелодия медлит – ей страшно пускаться в полет,
ведь здесь, на земле, разевается дуло за дулом –
и рвутся снаряды – и пламя пожарищ ревет.

И лишь заунывным мотивом, тягучим и долгим,
окрашена страшная, грешная зимняя ночь,
и я, стихотворец, к столу пригибаемый долгом,
ни в силах и строчкой беспомощным жертвам помочь.

И падают вновь под обстрелом нещадным с разбегу
безвинные дети, хлебнувшие горя сполна...
Балкария лик подставляет безмолвному снегу,
корит себя так, будто в этом виновна она.

7. Новый год с запахом беды

Дай Бог, чтобы наступающий год
не был похож на уходящий.

Пожелание друга

Мой друг меня поздравил с Новым годом,
а мир так хмур, что даже снег померк.
Неужто в мире жить нельзя народам?
Пальба – не новогодний фейерверк!

Живём теперь мы, как мишени в тире...
Снег белизну от горя потерял.
Я понял, что творится в нашем мире:
в теснине задыхается Дарьял*.

«Дарьял» по-тюркски – «узкая дорога».
Дорога судеб сузится ужель?
Да, беженцам уже тесна дорога.
И жесткой моя сделалась постель.

Я спину под виной своей сутую –
ведь я не пал там первым, как поэт...
Вся жизнь моя в одну вместилась пулю,
вонзившуюся в жизнь в расцвете лет.

Какой же Новый год с таким раскладом?
Что, друг мой, нам грядущее сулит?
Мы на земле опять столкнулись с адом...
Кому, за что и кто, скажите, мстит?
Год девяносто – чтоб его! – четвертый
уходит прочь, пролив обильно кровь.

Наш мир – больной, израненный, истёртый;
ему цвести дано ли будет вновь?
Неужто жить, опять друг в друга целясь?
Ещё не отошли мы от беды
и помним слово «спецпереселенец»,
а мир вновь жаждет крови, как воды.

---

* Река на Северном Кавказе и одноименное ущелье.

8. Кавказ

Синие горы Кавказа, приветствую вас!
Вы взлелеяли детство мое; вы носили
меня на своих одичалых хребтах, облаками
меня одевали, вы к небу меня приучили, и я
с той поры все мечтаю об вас да об небе.

Михаил Лермонтов

Твердим: Кавказ – Жаннет, Кавказ – Женева! –
но в ночь одну весь этот гомон стих.
Храни, Кавказ, сынов своих от гнева,
а худших сам наказывай своих!

«Узнай, – велит мне кровь, – дела соседа.
Коль надо, соболезнай от души!»
Что за картины рядом! Хуже бреда:
снаряды, мины – вот «карандаши»...

Застыла паста в шариковой ручке –
кровь в наших жилах тоже стынет так.
Мы сами довели себя до ручки:
что жизнь и смерть? Безделица, пустяк!

За то, что не погиб, прошу прощенья,
хотя какой в прощенье этом толк?
Кровь пролитая требует отмщенья,
и в человеке вновь проснулся волк!

«Чечен придет», – детей пугают ныне.
Подобное как мог я допустить?
Черствеет воздух от душевной стыни,
без воздуха – тончает жизни нить.

Позорнее всего – в цепях бессилья
мне доживать отпущенный мне век.
Того ли ты ждала, моя Россия?
У власти вставший – что за человек?

Холст белый измарали черной краской –
такой урок навряд ли будет впрок.
Укрыться ли от совести под каской?
Бронежилет спасет ли от тревог?

Смотрю вокруг – никто ответ не держит,
лишь мы с тобой сгораем от стыда.
Экран ТВ догадкой страшной брезжит:
виной не ты, не я – так кто ж тогда?!

9. Цветок с опавшими лепестками

Цветок хранит только любовь.
Если стынет сердце, у цветка
тотчас опадают лепестки.

Слова влюбленного парня

К кинотеатру парень шел с цветами –
он пригласил любимую в кино.
Но лепестки с цветов слетали сами,
а им обоим было все равно...

Казалось, что сметал их снежный ветер,
хотя ни снега не было уже,
ни ветра; по-весеннему был светел
тот день... но холод властвовал в душе!

К Чечне (я знал) был обращен взгляд парня,
и девушки глаза витали там.
Когда не видят лиц, сойдясь попарно,
то радоваться можно ли цветам?!

А жизнь, казалось, и не замечала
того, что всей природе не под стать...
Когда любовь, что жизни есть начало,
безмолвствует, чего от жизни ждать?

Агония и кома – вот приметы
весеннего безветренного дня:
безвременного, в сущности... О, где ты,
любовь, что в сердце плещется, пьяня?!

О тех цветах, что с горя облетели,
никто уже не вспомнит, не вздохнет.
Теперь не дни, но души охладели:
хоть солнце светит, в мире правит лед.

СВЯТОЙ КАВКАЗ

Поэма

Камень нуждается
в сердце и душе человека.

Экзюпери

1

С веков суровым нравом обручен,
как ведают о том седые старцы,
святым Кавказ издревле наречен –
об этом свято помнят все балкарцы.

Здесь, на Кавказе, счета нет камням –
их больше, чем людей, живущих рядом.
Дороже жизни эти камни нам,
их сызмальства мы все ласкаем взглядом.

Кавказ любой из горцев всей душой
с рожденья любит, он к нему привязан.
Сподоблены мы радости большой,
коль скоро жизнь освящена Кавказом.

Все так и шло: мы ждали, чтоб скорей
всходило солнце в блеске ореола;
с воздушным танцем резвых сизарей
наведывались весны в наши сёла.

Из дней труда слагался каждый год,
а из годов и новый век слагался:
порой ячмень просеивал народ,
порою просто потом умывался.

Немало знал Кавказ жестоких ран,
но не было подобного от века.
Историю дано ль ввести в обман?
Она все помнит – сердцем человека.

И как нам смыть ту страшную беду,
когда была мечта балкарцев смята
в сорок четвертом горестном году,
весною, в самых первых числах марта?

Не подospel ли времени предел?
Но кто бы мог нам истину поведать?
Казалось нам: последнюю пропел,
пред тем как расшибиться, песню лебедь.

Бежавшие так весело с вершин,
речушки поползли теперь в унынье,
подумав: мир подвинуться решил
и где моря – неведомо отныне.

Лань прыть свою утратила – нелюб
стал день ей, и она упала с кручи,
а небо, наизнанку свой тулуп
надев, от гнева спряталось за тучи.

Народ на «студебеккеры» грузя,
гордились ли «победою» солдаты?
Но маршалов послушаться нельзя –
расплатою приказы их чреваты.

Похожая на крышку казана,
вскипающего к свадебному тою,
перевернулась, сгорбилась луна,
чужой отягощённая виною.

Подснежники в том марте не взошли –
растаял снег, залив собой ущелья;
лопаты не приветили земли
и к лету заржавели от безделья.

Снег выпадет еще, трава взойдет,
умрет зерно, росток пуская снова...
Но почему же в тот злосчастный год
никто не рек в защиту нашу слово?!

Народа нет – сгореть земле дотла,
пускай дожди бы устали не знали.
Тупеет без занятия игла,
что бабушка забыла в одеяле.

Мое село, где только ветерок
дул свежий, вдруг столкнулось с ураганом,
и камнепад осел в реки исток,
добавившись к уже бессчётным ранам.

Некормленный, стоял в овинах скот,
сыры с лугов альпийских жерновами
в сараях прели, – уводил нас год
туда, где мы доселе не бывали.

Моя Ак-Су *, желая правду знать,
добиться у солдат её пыталась,
но, не сумев, кручинилась опять,
лишь горе ощущая да усталость.

---

* Ак-Су (Белая Речка) – река, на которой стоит родное село поэта (одноименное).

«Чтоб ты растаял снегом по весне!» –
проклятье у балкарцев существует,
но видывал ли кто в кошмарном сне,
что весь народ такое не минует?

В тот самый страшный из минувших день
несправедливость правила, немилость;
в горчайший час, лишаясь всех корней,
в перекати-поля мы превратились.

Враги, у камня душу отобрав,
его и вправду в камень обратили:
оговорил неправый тех, кто прав,
и честь, и совесть подчиняя силе.

Врагом нам камень не был никогда –
лишь тот нам враг, кто рушил камня душу.
Не может жизнь исчезнуть без следа,
душа всегда отыщет путь наружу.

Что толку от красивых звонких фраз
для горных склонов, разлученных с нами?
Душой своей я чувствую сейчас
все то, что увидел тогда глазами.

Злодеи испокон веков таят
в своей крови клокочущую зависть;
за справедливость выдавали яд
они, социализмом прикрываясь.

Ходы свои расчистив наперед,
они и брата стравливали с братом.
Неслыханно: в изгнание шел народ,
не грезя даже о пути обратном.

Но преданность опорой служит нам,
прочнейшей не лишимся мы основы:
коль нашим будут надобны камням
сердца и души наши, – мы готовы.

2

С веков суровым нравом обручен
и к щедрости приучен, был когда-то
божественным Кавказ наш наречен –
об этом все балкарцы помнят свято.

Степной народ, который вел Кубрат *,
путь устремил сюда, к Кавказским высям,
ему дороги не было назад,
а мы иной истории не мыслим.

Кубрат могучий! Славный Аспарух! **
Свободе поклонявшиеся предки,
ваш пыл в сердцах потомков не потух,
и этому свидетельства не редки.

Степями пролетавшие в пыли,
от всякой уходившие погони
в седых горах приют себе нашли
узде не поддававшиеся кони.

Мы в горных очагах зажгли огонь –
века его с тех пор не задували.
В горах к ладони тянется ладонь,
а слово – крепче самой прочной стали.

---

* К у б р а т – тюрко-хазарский хан в VII веке.

** А с п а р у х – брат Кубрата.

Кочевники, храня в сердцах ковыль,
с заоблачными кручами сроднились:
на здешних тропах есть степная пыль,
а камни защищать их научились.

Кипчаки, согреваясь среди камней,
в аланских * землях с той поры осели.
Они призвали живших здесь людей
не обращать своих ущелий в щели.

Народ единый пестовал Кавказ...
Арышаузу ** приглянулись наши
места – напасть попробовал на нас,
но прочь ушел, несолоно хлебавши.

Лишь кровь была отменно солона –
аланы, твердость скал родных усвоив,
захватчикам ответили сполна,
тем отстояв незыблемость устоев.

Веками так хранили мы себя,
и синих ледников благословенье
нам горы слали, искренне любя
нас, горцев, за вниманье и почтенье.

Когда и государственность пришла,
когда и мы влились в семью народов,
воскрес Арышауз, посланник зла,
топтаться стал среди добрых наших всходов.

---

*А л а н ы – предки современных балкарцев.

**А р ы ш а у з (рот с аршин) – балкарское прозвище Чингисхана.

Бесчестье взгромождая на обман,
не различая ни детей, ни старцев,
речей фальшивых распутив туман,
он к смертному одру погнал балкарцев.

И камни, наши родичи, дивясь
тому, чего вовек не знали прежде,
дрожали – обрывалась наша связь,
хоть присягали с ними мы надежде.

Поля, где пар струился по весне,
лишенные покровов, тосковали,
но, как и мы, не верили вполне,
что навсегда нас гонят в эти дали.

Развеял счастье ветер, прочь унес,
оставив лишь надлом, тоску и жалость, –
к Холамским водопадам много слез
балкарских в эту пору примешалось.

И, как косарь, один прокос пройдя,
запыхается вдруг необъяснимо,
склон Тазии под струями дождя
просел, одышкой мучась нестерпимо.

И склон Якуба *, словно позабыв,
как воздух запах трав пьянит весною,
лишь заунывный слал нам вслед мотив,
свинцовой покрываясь пеленою.

---

* Склоны в Балкарии принято называть по именам тех, кто постоянно косит на них сено. Склоны Тазии и Якуба – названия полей в окрестностях Белой Речки.

А облако, что белым валуном
зависло, все свои утратив силы,
обозревало каждый сирий дом,
застывший в скорби, словно у могилы.

Краснея и бледнея, Ак-Кая *
на говорящий рот похожа стала –
она, свербящей боли не тая,
молитвы по изгнанникам читала.

«И камню тоже надобна душа, –
писал Экзюпери, – и щедрость сердца».
В полет последний вылететь спеша,
он даже в камне чтит единове́рца.

Он знал, что если бедствует народ,
то и камням земли родной несладко.
Вершины, проводив его в полет,
свидетели: он жизнь прошел не шатко.

Наверное, он видел с высоты,
как наши камни трескались от муки,
от горести, тоски и маеты,
рождая дрожь вселяющие звуки.

А лезвия косы тринадцать лет
здесь не звенели музыкой отрадной –
народ был сослан, словно на тот свет
отправлен торжествующей неправдой.

---

*Ак-Кая (Белая Скала) – гора, полукругом нависающая над селом Холам.

И голоса ручьев и родников
в ту пору только в сердце и звучали –
той клятвой, что сильнее всех оков
и помогает выстоять в печали.

Опорой да послужит верность нам,
да не лишимся прочной мы основы:
коль души будут надобны камням,
мы им свои пожертвовать готовы.

3

С веков суровым нравом обручен,
но всех даря защитой и светом,
Кавказ богоподобным наречен –
балкарцам ли когда забыть об этом?

Тринадцать лет – хлеб горький, и теперь,
спустя полвека, он изжогой мучит.
Народ мой, так вкусивший от потерь,
и по сей день покоя не получит.

Но сонмы сизокрылых голубей,
той горестной весною сбившись в стаи,
чтоб небо нам казалось голубей,
в переселенье с нами улетали.

Сомнений нет, я точно говорю:
они спустя полвека к нам под утро
как прежде, прилетают – и зарю
с собою на крылах приносят будто.

А в те года Кавказа ни на миг
не отдали они на поруганье
злодеям тем, чей замысел возник
из адской тьмы – нам всем на испытанье.

Нам вестниками добрыми служа,
они, как мы, томились по приволью;
над нами, сиротливыми, кружа,
они сполна болели нашей болью.

Зимую этой, пахнувшей весной,
белок яичный – утра над Кавказом,
и голуби над нашей стороной
воркуют – так вода перед намазом

клокочет в горле в омовенья час...
Хоть память – часть сознания – канет скоро,
но голуби картины будят в нас,
когда ярилась бед недетских свора.

Проведать душу – вот зачем они
льют звук в мое изрезанное сердце.
Тепло они приносят в наши дни,
давая от морозов отогреться.

Жилище не разрушили мое,
от сытости пьянея, негодяи,
поскольку зла эмблема – воронье,
а наши души – белогрудых стаи.

Не временно на землю прилетев,
они кинжала выше ставят лиру;
голубка, крылья трепетно воздев,
оливковую ветвь дарует миру.

Недаром видел Пабло Пикассо
в той птице мира предзнаменованье –
пусть крутится Фортуны колесо
затем, чтоб нас невзгоды миновали.

В рисунок свой всю душу он вложил.
«Душа моя, художник не тебе ли
изображенье это посвятил?» –
«Его спроси, коль встретитесь на деле».

Что ж, голубь белорудый искони
возносит душу горца к горным высям.
Изгнанье с нами приняли они –
и мы себе иной судьбы не мыслим.

Холам, Холам! Всегдашнее родство
и на чужбине душу мне хранило,
внушая веру в то, что естество
заключено в добре, за ним и сила.

В тебе, Холам, и ласковость луны,
и чистый отсвет вычесанной шерсти;
твои черты величия полны,
и сам я жив, пока с тобою вместе...

Ты – мой, ты – как начало всех начал,
в тебе не замечаю червоточин,
а потому всю жизнь я привечал
и умного холамца, и – не очень.

Опорой верность дружбе служит нам,
мы жизненной не предадим основы:
коль наши души надобны камням
Кавказским, им отдать мы их готовы.

С веков суровым нравом обручен,
но всех даря защитой и светом,
Кавказ богоподобным наречен –
балкарцам ли когда забыть об этом?

...Казалось, плеск воды в арыках глух,
и солнца свет сперва казался робок,
но, право слово, захватило дух,
когда Кавказ выращивать стал хлопок!

Нам, облаков равнять привыкшим цвет
со снегом, там с картиною иною
пришлось столкнуться – все тринадцать лет
мы с хлопковой знались белизною.

Про удаленность Азии забыть
нам помогал отзывчивый хлопчатник,
который мы с молозивом сравнить
сумели, что уже – родства зачаток.

Добудешь и айран, и молоко
коль есть к труду азарт, смекалка, сила.
Работалось нам споро и легко,
а вот душа – в тисках вседневно ныла.

Твердить уже не позволяет честь,
что, мол, в тисках душа моя поныне, –
любимая семья, по счастью, есть,
где дети чтят народные святыни.

А я, в шесть лет родной лишен земли,
не думал, что возможно все исправить.
Обиды те, что в детстве нанесли,
до склона дней хранит, как шрамы, память.

Коль не уйду до срока в мир иной,
не визнавав до конца, зачем родился,
вам, голуби, пожертвую душой,
вы для меня – хранители единства.

На диво теплой выдалась зима:
от снега в январе свободны крыши...
Вчерашняя, не возвращайся, тьма –
Балкария окрепнет, станет выше.

Грядущее туманно, как всегда,
но помыслы о нем – всего дороже.
Я не боялся тяжкого труда,
путь пробивая в стылом бездорожье.

Когда следы ложатся на следы,
тропа заметней, явственнее память.
Коль жизнь моя – один глоток воды,
то пусть и он народу сил добавит.

Пусть достается тем, кто выйдет вслед,
и множит их достоинство и славу.
Пускай ничто не застит горцам свет,
который им принадлежит по праву.

О Боже, я молю тебя: не вей
ты инеем, что так похож на просесть,
в сады моих любимых сыновей –
пусть яблони всегда их плодоносят.

От древа родословного и тень
пускай с годами делается шире,
чтоб путники найти могли бы сень,
укрытие в тревожном этом мире.

Опорой да послужит верность нам,
не предадим вовек своей основы:
коль наши души надобны камням
Кавказским, все вручить мы им готовы.

5

С веков суровым нравом обручен,
но всех даря защитою, когда-то
божественным Кавказ был наречен –
об этом все балкарцы помнят свято.

Как без заката не бывает дня,
так век земной не бесконечен тоже.
Ровесники уходят от меня,
а многие – куда меня моложе.

Галдеж ко мне доходит со двора –
то голуби воркуют над сараем.
И нам, душа, наверное, пора
путь устремить к своим небесным стаям.

Вдохнул довольно сажи и золы,
напраслины и кривды знал немало.
Коль молодые падают стволы,
не стыдно ждать и мне лесоповала.

Жизнь – мешанина, что в ней разберешь?
Она, не церемонясь, нами правит:
захочет – в молодого всадит нож,
а нет – подножку старому подставит.

Она, когда ступаешь нелегко,
досады не развеет прибауткой.
Сперва она – парное молоко,
а под конец пугает сказкой жуткой.

Жалеет зной поникшую траву,
хоть сам же обделил ее прохладой.
У жизни я прошу: пока живу,
рассудка не лишай меня, не надо.

Пусть век со мной пребудет прямота,
что судит, околичностей не зная,
не тех, чье бремя – бедность-нищета,
а только лизоблюда-негодяя.

Открытость пусть опорой служит нам,
да не лишимся мы своей основы:
коль наши души надобны камням
Кавказским, все отдать мы им готовы.

6

С веков суровым нравом обручен,
но всех даря защитой и светом,
святым давно Кавказ был наречен –
балкарцам ли когда забыть об этом?

Не забывать бы мне еще о том,
что выси – для орлов! Позорна зависть:
когда чужой успех – что в горле ком,
то этим лишь себя же принижаешь.

Вот от такого, Бог, убереги,
как бережешь для нас свою природу;
тех вразуми, чьи ложные шаги
не добавляют доблести народу.

В селе моем пускай мосты стоят,
до срока пусть никто нейдет из круга.
В последний день увидеть буду рад
я голубя – летающего друга.

Да, голуби и ласточки – друзья,
всю жизнь они мне радовали очи...
В заоблачные области скользя,
туда, где больше нет ни дня, ни ночи,

хочу сказать: пусть молодежи ум,
как солнце, озаряет ей дорогу,
пусть он, коль путь окажется угрюм,
как лунный свет, придет ей на подмогу.

Друг другу пусть сельчане пособят,
ведь сказано давно моим народом:
«Коль добрый заметил тебя взгляд,
то и в тебе благим пробиться всходам».

Корней лишаясь, дерево скорбит...
Еще хочу сказать перед уходом:
сгорит звезда, как только полетит
одна, пренебрегая звездным сводом.

Негоже унижаться, лебезить –
признание за такое не дается.
Пустой хвалы гнилою выйдет нить:
чуть-чуть потянешь – тут же оборвется.

Гляжу в окно: дома, дома, дома...
Односельчане, взгляд мой – рядом с вами!
Не правда ль, теплой выдалась зима,
раз голуби кружатся над домами?

Как мил мне предвечерний этот вид!
Добра желаю долам я и высям.
Пусть белый голубь всех благословит,
пусть проторит дорогу добрым мыслям.

Всем птицам говорю сердечно: «Да!
Влетай, гнездо свивай, любая птаха!» –
лишь бы ходила по воду всегда
Джамилечка моя, не зная страха.

У жизни все есть – и полынь, и мед,
не предусмотрешь всех ее заначек,
но пусть вовек не ведают невзгод
Айгюль моя, и Эва, и Абайчик.

Скажу снохе, помедлив на краю:
приблизившись к небесному порогу,
Мариночка, Мариша, я твою
судьбу препоручаю ныне Богу.

Всечасно на виду у нас Ак-Су –
вот так же я сказать могу о смерти.
Расул! Марат! Все горести снесу,
коль живы и здоровы вы, поверьте!

Диана – мое счастье, видит Бог,
перед Имашей я благоговею...
Расул, мне утешенье, если смог
я это жизнью доказать своею!

Замешкаюсь я снова у дверей,
чтоб вымолвить, почти уже на грани:
вниманьем почитайте матерей –
об этом говорится и в Коране.

Да, ненадолго дан нам этот свет,
немного достается людям солнца.
Длинна твоя дорога или нет,
конец ее – во кладбище упрется.

Но преданность опорой служит нам,
прочнейшей не лишимся мы основы:
коль нашим будут надобны камням
сердца и души наши, – мы готовы.

7

С веков суровым нравом обручен,
но всех даря защитой и светом,
Кавказ богоподобным наречен –
балкарцам ли когда забыть об этом?

Рассвет. Как вид прекрасен из окна!
Улыбку горца в нем я различаю.
В нем – чистота и взглядов глубина
всех тех, кого так часто привечаю.

Благодаренье Богу! На своей
земле проснуться – добрая примета:
ведь я и камни чту здесь, как людей,
рябина здесь тепла полна и света.

Кто хочет суть земли моей узнать,
у Пикассо пускай об этом спросит:
в его голубке – женщин ее стать
и мысли тех, кого коснулась проседь.

Добавить только малость я хочу,
пусть за мою пристрастность не бранятся:
в труде балкарцу горы по плечу,
и в дружбе с ним не многие сравнятся.

О твердости характера такой
ты, голубь, знаешь. Рядом с миролюбьем –
согласие, единство и покой:
так разноси же их на радость людям.

Неси их тем, кто не уверен в нас,
даруй им просветленье в мыслях, то есть
про золотой поведай наш запас –
честь горскую, достоинство и совесть.

Призыв мой разноси во все края:
мы одолели голод, зной и вьюгу,
теперь для полнокровья бытия
нам нужно уважение друг к другу.

Пускай любовь меж нами расцветет,
подобная любви земли и неба!
Мы к этому готовы: лили пот,
не ели незаслуженного хлеба.

И все соседи – рядом и вдали –
нам как родня. От века в этом плане
со всеми уживаться мы могли,
как молоко с закваскою в айране.

Ты, голубь, проследи, не поленись:
пусть точно так, как мы соседа ценим,
и он возносит имя наше ввысь –
обиды ведь чреваты охлаждением.

Пусть преданность опорой служит нам,
да не лишимся прочной мы основы:
коль нашим будут надобны камням
сердца и души наши, – мы готовы.

С веков суровым нравом обручен,
но всех даря защитою, когда-то
божественным Кавказ был наречен –
об этом мы, балкарцы, помним свято.

И помним, что свободой торговать,
чтоб синекуру выклянчить проворно,
свою персону славя, токовать
для тех и этих – жалко и позорно.

Отец мой, чести верен, не юлил,
но выказал всю горскую отвагу –
и за свободу голову сложил,
за ту страну, которой дал присягу.

Но, несмотря на это, вся семья
курятником, где лис не знал предела,
вдруг стала – потому и мать моя
от горестей так рано поседела.

Изгнанию не предвиделось конца,
но в этом мире все подвластно жизни.
На сорок лет я старше стал отца –
успел ли что-то сделать для отчизны?

Когда нас всех скрутил и рты зажал
неправедный закон, презрев пощаду, –
ты, белый голубь, дух наш поддержал,
в степь принеся балкарскую прохладу.

Ты в степь принес и белизну снегов,
и честность, чистоту души балкарской.

Знакомясь с нами, каждый был готов
навет на нас признать нелепой сказкой.

Ты горцам в степь доставил лунный свет,
чтоб жечь костры могли мы ночью в поле
и немудреный разделять обед
с собратями по горестной неволе.

Киргизы знали: наш народ храним
тем духом, что сильнее урагана...
И – очень по душе пришелся им
волшебный вкус балкарского айрана!

Ты, голубь, нас в изгнании спасал,
от гор родных неся нам sporo вести;
привет от незабвенных милых скал
нам не давал забыть о горской чести.

Балкарских много в Азии могил –
увы, им не видать родного края.
Любой из там погибших проводил
живых домой, нас всех благословляя.

Мы знаем: тот становится святым,
кто умирает, свет других не скомкав,
не обратив надежды общей в дым,
а сохранив нетленной для потомков.

Ведь преданность опорой служит нам,
мы не лишимся жизненной основы:
коль нашим будут надобны камням
сердца и души наши, – мы готовы.

Перевод Юрия Яропольского

УРОКИ БОГОВ

Поэма

1

Когда трехлетки скачут по плато,
все жилы напрягая – и ногами
взбивая воздух, словно масло, – то
у финиша им стать дано врагами.

А я, в мир снов таинственный попав,
одолеваем ныне, как осадой:
«Поведай, кто из нас двоих неправ», –
меня пытаются Аполлон с Кассандрой.

Всевышний создал женщин для мужчин,
и в этом невозможно усомниться.
Любовь важнее всех иных причин
для жизни, хоть сама недолго длится.

Чтит можжевельник свой извечный цвет,
а горы стали для него постелью.
Самца и самку выводя на свет,
Создатель их единство ставил целью.

Да, будь они едины, как трава
с землей, что ее питает корни,
змея с лягушкой поровну права
делили бы, не знали бы их ссор мы.

Любви бы подчинилось все сполна,
ее сочли бы властью наивысшей –
от многих бед избавила б она,
для путников служа надежной крышей.

Но гор зеленый ласковый наряд
укрыться может вдруг под белой шубой.
Был первым Аполлон признать не рад,
что красота способна быть и грубой.

Опасной и коварной красота
способна быть, тая любви угрозу.
Влечет к ней неизбывная мечта,
но часто ждуд шипы влюбленных в розу.

Так, впад в любовь, как в долгий сладкий сон
(и в этом деле смертным уподобясь),
Кассандры добиваясь, Аполлон
ей даровал предвиденья способность.

Пленительны краса ее и стать
настолько, что, не мысля о засаде,
стал руку вместе с сердцем предлагать
бог Аполлон всевидящей Кассандре.

Меж тем куда как краше доброта,
чем зоркий ум с красой холодной вместе.
Но истину нам застит суета,
и даже Нарт поддался чувству мести.

О добрых людях песни петь давно
у нас ведется – их уже без счета.
Добавить и Кассандре не дано
к великой чистоте любви хоть что-то.

Века возрастает дерево любви,
хоть кажется лишь саженцем любому.
Гром в сердце – как его ни назови,
он первому всегда подобен грому.

Бывает, с виду женщина мила,
однако же при этом не без жала.
От бога дар Кассандра приняла,
но обещанья так и не сдержала.

Конечно, возмутился Аполлон!
За это нам судить его негоже –
и ты бы возмутился, как и он,
и я бы тотчас возмутился тоже.

Так сделал Аполлон, что щедрый дар
Кассандре обратился не во благо:
предсказывала мор или пожар –
не веря ей, не делали ни шага.

Он свой же дар, считай, что отобрал –
решиться трудно горцу на такое,
но тот поймет, кто знал любви накал,
помыслить не дающий о покое.

Отказ воспринимая, как ожог,
теряем человечность, словно камень,
что в реку зашвырнул нещадный рок, –
а вслед за тем и сами вскоре канем.

Отвергнутых влюбленных страшен путь –
путь тех, кто заплутал в песках под солнцем...
Не смею Аполлона упрекнуть:
был греком бог, а я родился горцем.

Нас, горцев, мало – наш нелегок хлеб.
Желать добра таким, как мы, пристало.
Всеведенье, Кассандра, не тебе б –
нам пользы принесло б оно немало.

Прикованный к горе огромной Каф,
дал Прометей нам стойкости мерило.
Своим фетишем девственность избрав,
чем этот мир Кассандра одарила?

Чьим сыном был, кто так тебя любил,
кому ты мир закрыла, как завеса,
кому внушила ты подобный пыл?
Он, как и Прометей, был сыном Зевса.

Единокровный Аполлона брат,
что людям подарил огонь с Олимпа,
за что и пострадал потом стократ,
но не издал ни выкрика, ни всхлипа.

Он тоже бы, Кассандра, не стерпел
такого обхождения с собою
(ведь всякому терпенью есть предел) –
и, может быть, испепелил бы Троя!

Но, так или иначе, Аполлон
так поступил, как было в его нраве.
Проведав об уклончивости, он
забрал свой дар, и мы судить не вправе.

Достойнее Кассандры Прометей –
он жертвовал собой для человека.
Была б она мудрей своих затей –
примером всем служила бы от века.

Меж нами расстоянье пролегло,
столетья скрылись в огненной геенне...
Кто пособит теперь осилить зло,
кто нашим душам даст успокоенье?

Как нужен был бы нам Кассандры дар
в дни оползней, чумы или раздора!
Она могла б предсказывать пожар,
спасать людей от голода и мора.

Но если б что-то доброе она
для нас хотела сделать в жизни краткой, –
у нас теперь иные времена,
напичканные ложью, как взрывчаткой.

Коль мы хоть как-то навлекли позор
на камни наши, пусть рассудит время,
но отчего же молнии средь гор
ярились так особо, в тучах зрея?..

О, если бы всеведенье богов
досталось нам, как истинная милость,
то многих избежали б мы оков,
не раз бы это в жизни пригодилось!
И вот, как будто в дом, войдя в мой сон,
о сокровенном молвила Кассандра:
– Лишил меня доверья Аполлон,
когда разобрала его досада.

Вот так и вас хотела б я лишить,
но вовсе не доверья, а, напротив,
всего того, что вам мешает жить,
что возросло в вас, души вам испортив.

Течет в лощины талая вода,
пар исчезает, в небе улечуась, –
вот так и в вас пропало без следа
то, что людскую сдабривает участь.

А именно – участие к другим,
сменившись безразличием окаянным.
Вы друг для друга – чуть приметный дым,
вас словно разделило океаном.

Хотелось бы из вашей мне среды
изгнать такую пагубу, как зависть, –
гнильцой всегда попорчены плоды,
коль тронута недобрым взглядом завязь.

Хотелось бы мне навести мосты
меж вами, чтобы, спесь свою утратив,
вы помыслами стали бы чисты,
как сок тех груш, что зрели без нитратов.

Не должно уставать от добрых дел,
и пусть цветут намеренья благие,
чтоб каждый плод их сочен был и спел, –
да сгинут ветви черные, нагие.

Пусть человечность ваш осветит взор,
пусть дружелюбие служит вам опорой,
а если где-то вспыхнет пламя ссор,
пусть помощь медоноса будет скорой.

Когда б вы состязались лишь в любви
друг к другу, то, уверена, едва ли
дни ваши обагрились бы в крови,
беду изгнания вы б не испытали.

Вы видели, что сделал Аполлон?
Подобное творится повсеместно:
пуская человечность под уклон,
никто добра не дарит безвозмездно.

Вы видели, как, слабого поправ,
тот, кто всеильем власти обеспечен,
прибил его к горе великой Каф,
велел орлу клевать титану печень.

Его проступок – благо для людей,
хоть у богов за это он в опале.
Провидя все, спастись мог Прометей,
но люди бы огня тогда не знали.

Зевс, бог богов, героя покарал,
что жертвовал собой для человека, –
жестокость этим он короновал,
двадцатого зловещий признак века.

Когда гляжу сквозь времени стекло,
то мне за вас, сегодняшних, не стыдно:
не ново ваше вздыбленное зло,
от нас оно досталось вам, как видно.

То новое поветрие для нас
дурманом стало, всех лишая зренья, –
иначе как могло оно сейчас
явиться к вам сквозь сумрачное время?

Знал Прометей, что смерть ему грозит,
посулы слышал возвести на царство,
но вестника добра не поразит
ничто, не стоит даже и пытаться.

У совести титана летний цвет
и в стужу сохранялся неизменно;
он никому не действовал во вред,
чужда была ему бахвальства пена.

Просвет добра сквозь тучи, что так злы,
и высоту дарующие крылья, –
вот что он видел со своей скалы,
не корчась от страданья и бессилья.

Кавказцам же, когда настала вдруг
зима, – не опускаясь до обменов,
огонь для очагов добыл Сосрук *,
отняв его у злобных эмегенов **.

Круг снежных гор. Тучнее туч стада –
все знают, что, отважный без оглядки,
не просто так Сосрук огонь тогда
принес, но победив в смертельной схватке.

У новых поколений во дворах
теперь кипят котлы – мы разумеем,
что породнились, злой судьбе на страх,
герой Сосрук с героем Прометеем.

Но что Земля без радости людской?
Разрушенную видевшая Трою,
с детьми Чечни знакомлюсь я с тоской –
и трудно это выдержать, не скрою.

Не до улыбок сделалось в Чечне –
пришла пора крушенья и кручины.
Так за детей чеченских больно мне,
что на лице добавились морщины.

---

* С о с р у к – герой нартского эпоса.

** Э м е г е н ы – мифические злые существа.

Цветок, раскрывшись, стал красой земли,
но на траву вокруг взглянет едва ли.
Вот так и те, что Трою возвели,
потом ее же сами разрушали.

То, что в Чечне устроили, ничем
не разнится от Трои разоренья.
Добиться ли впоследствии всем тем,
кто учинил такое зло, прощенья?

Поранившись, приникнет тур к скале,
хоть раны той скала и есть причина.
Сын Зевса, Аполлон не жил во мгле,
но мстительность отца вошла и в сына.

А почему, положим, Посейдон
задумал сделать Трою жертвой мести?
Был им Пегас отчасти порожден...
Обычай ли, чтоб зло с добром шли вместе?

Как по воде расходятся круги,
у вас все это можно обнаружить.
Пускай Лаомедонт и впал в долги,
за это можно ль целый город рушить?

Людской окрашен мстительностью стяг –
не ваше время в этом виновато.
Вновь человек в стяжательства сетях,
но все его плоды сгниют когда-то.

Конечно, жизнь безмерно тяжела,
обманны ветры, розно в небе вея:
ведь не был Зевс опорой для зла,
но приковал к скале он Прометея.

Сын Зевса же, Геракл, титана спас,
убив орла, вгрызавшегося в печень.
А вы и сына за отца сейчас
готовы растерзать – обычай вечен!

Кязим седлал Пегаса и Кайсын,
не ведая деяний Посейдона,
но людям они оба, как один,
поэзией служили неуклонно.

Своих не остужайте очагов,
изгнаннического жертвы эшелона!
Пегасу куйте множество подков
и чтите, как и прежде, Аполлона.

Но говорю я вашим молодым:
одной строки хорошей слишком мало,
чтоб ровнею с Кайсыном быть самим, –
поэтам заноситься не пристало.

Ствол зависти не так легко свалить,
но выкорчевать надо понемножку.
Тот, кто мечтает с честью жизнь прожить,
Балкарии не ставит пусть подножку.

Пусть ей Геракл всю силу передаст,
чтоб комья грязи к ней вовек не липли;
пусть честь и совесть не погаснут в вас,
а ум всегда пребудет на Олимпе.

Пускай судьба щадит вас наперед,
дарует вам достойную свободу.
Пусть стану той, кто ныне отберет,
что не присуще вашему народу.

Блеск золота порою бьет под дых,
но не за ним решающее слово;
в остатках лучше поискать своих,
чем на тарелку зариться чужого.

Пусть проторишь ты в жизни лишь тропу,
шагай не по накатанной дороге.
Те, кто меняет мясо на шурпу *,
пусть знают, что не вечны даже боги.

Аулы расцветали б как один
и солнце бы не гасло на Востоке,
когда б из непростых своих годин
народ ваш извлекать умел уроки.

Но дела до народных нет святынь
тем, кто творит сплошное пепелище,
кто сердцем оскуделым и пустым
лишь выгоды в войне чеченской ищет.

Из тьмы веков смотрю, как Ак-Кая
мрачнеет, если вдруг заметит снова,
что, словеса туманные вия,
не ставят ни во что народа слово.

Ручей и гору режет пополам...
Прощения возможность я отрину
для тех, что глухи к матери слезам
по павшему в войне ненужной сыну!

---

* «Мясо менять на шурпу (бульон)» – так говорят о людях, предавших свой народ.

Тех различай, кто, чтоб кормить змею,
в лягушек обращает всех, кто рядом;
пусть он услышит: «Сын ваш пал в бою»,
столкнётся лично пусть он с этим адом.

2

Когда глядим на землю мы с тех гор,
что так планету нашу украшают,
сердца поют от счастья. С давних пор
нам, смертным, боги это же внушают;

Чтоб Пушкин был добрее и мудрей,
гармония чтоб в нем не умирала,
седины из шальных его кудрей
сама Эвтерпа нежно убирала;

В картины жизнь вложив свою на треть
и в мире красоты души не чая,
боялся на «Данаю» посмотреть
творец ее, за чувства не ручаясь;

В изгнание с вами все тринадцать лет
трагическая муза, Мельпомена,
жила, оберегая вас от бед
беспамятства, что есть себе измена;

Жива средь вас Сапфо – ведь я сама
любовью одержимую видала:
как жаждущий, она, сходя с ума,
к любимому мужчине припадала;

В Киргизии хоть и немало гор,
они по шири Лесбосу не пара,
однако же степной её простор
не выстудил в сердцах у горцев жара.

К любви способность так сильна у вас,
что не страшны ни бури ей, ни сроки,
а чтоб огонь любви и впредь не гас,
даны поэту пламенные строки.

Я помню, как сказал однажды ты,
что защищать предательство не станешь:
любовь душевной ищет высоты,
её так просто в жизни не обманешь.

Здесь мало кто любовью обделён,
побегами её мы все увиты,
но, как всегда, найдётся и Фаон,
что прибегал к защите Афродиты.

Фаону до Сапфо и дела нет –
прельстительней лоза на южном склоне;
в глазах Сапфо же меркнет белый свет:
все думы её – только о Фаоне.

Любовь цвела, плодов не обрела,
а значит, оказалась пустоцветом, –
не предсказать сердечные дела,
хоть музыкантом будь ты, хоть поэтом.

Молочную видала и у вас
я кукурузу, сохшую без влаги, –
влюблённая, в ком свет надежды гас,
бросалась в пропасть от вершины в шаг.

Не обрываясь, длится солнца луч
от наших дней до ваших – точно так же
и все дурное, как обрывки туч,
доходит к вам, лишь делается старше.

Как Автандил, любовь к земле родной
вы сберегли, влача изгнания годы,
не старится любовь, и в ней одной –
извечно новой – сладкий вздох свободы.

Любовь ведь не стареет никогда,
она нова, как солнце вечно ново,
она диктует миру слово «да» –
достойное и праведное слово.

Ни Тинатин прелестных, ни Нестан
искать не надо горцам на чужбине,
наоборот, – балкарок стройный стан
в Киргизии все помнят и поныне.

Я вижу всё, мой дар отнюдь не миф,
богами чтима я была по праву:
вы и в изгнание, гордость сохранив,
не зарились на золото и славу.

Я знаю, Тариэль и Шермадин*
могли бы и у вас в горах родиться, –
где труд – как песня, и порыв един,
и пахота в свой срок, и косовица.

---

* *Автандил, Тинатин, Нестан, Тариэль, Шермадин* – герои поэмы Ш. Руставели «Витязь в тигровой шкуре».

Двуликих слов не знает ваш язык,
соседу всяк поможет безвозмездно.
Вот так и Тит творить добро привык,
иначе день был прожит бесполезно.

Но помыслы такие ведал Тит,
что место им лишь в ящике Пандоры, –
жизнь неразумным неизменно мстит,
согласие сменяя на раздоры.

Горам и тем нельзя сдержать беду,
которая лихой планиде вторит.
Как ни искала, все я не найду,
того, кто с бытием на равных спорит.

Я видела, как громовержец Зевс
Эпиметею * дал Пандору в жены –
и в мир в мороку обратился весь,
невиданными бедами сраженный.

Эпиметей и не подозревал
о замысленьях Зевса настоящих,
каких невзгод и потрясений шквал
таит в себе красивый с виду ящик.

Напрасно осторожный Прометей
твердил, чем лезть богов порой чревата, –
и новобрачный веселил гостей,
не слушая увещеваний брата.

---

* Э п и м е т е й – брат Прометея. Зевс, разгневавшись на Прометея, велел Гефесту создать первую женщину – Пандору, и выдал ее замуж за Эпиметея, в качестве свадебного подарка вручив супругам ящик со всяческими бедствиями и болезнями.

Из любопытства юная жена
вскрыть заповедный ящик поспешила.
была, понятно, женщиной она –
как женщина она и поступила.

А там, в клубок свернувшись до поры,
богов дремали яростные кары,
что разлетелись, словно комары,
творя повсюду моры и пожары.

Разруха понеслась вослед войне,
болезни и беспомощная старость...
Вмиг ящик пуст, и лишь на самом дне
надежда запечатанной осталась.

До сей поры, с надеждой заперта,
в оковах равнодушья и забвенья,
томится в неподвижности мечта,
ждет в темноте крылатого мгновенья.

Со стороны не ждите вы беды –
у вас самих пресыщенных немало,
забывших, что усердные труды
благополучью всякому начало.

Все большего желают гордецы,
от сытости нахальны и беспечны.
И это правда – знают и юнцы, –
Как правда то, что ваши горы вечны.

Есть времена, лишая вас надежд,
они зовутся «ящиком Пандоры» –
раздолье для глупцов и для невежд,
ведущих ни о чём торги и споры.

Взять людям этот ящик и разбить,
когда он сделан из обычной глины...
нет, продолжают злу они служить,
ум подчинив ему, сгибая спины.

Эдем боится всей своей страной
столкнуться с этим ящиком однажды,
хоть он сулит добро, как снег весной –
ручьи полям, иссохшимся от жажды.

Да, многие под рухнувшей мечтой
остались, словно сосны под лавиной:
и камни станут пылью под пятой
у времени с его походкой львиной.

Не узнаете, люди, иногда
друг друга вы, не различая лица.
У нас Эдипу выпала беда –
убив отца, на матери жениться.

Не знал Эдип, что это мать его,
да и отца не видел он ни разу, –
ваш разум на земле ценней всего,
любой ценой оберегайте разум.

В ваш непонятный век, когда вокруг
кто лает на других, кто тихо ропщет,
незнание, кто враг тебе, кто друг,
всех заразив, недугом стало общим.

Подумайте как следует теперь:
Лишь солнце зреть заставит облепиху.
Всяк Артемиде поклонялся зверь,
Что сделала священной олениху.

Грех каждого на всех лежит пятном,
пред богом все равны и повсеместно, –
и Артемида ведала о том,
что замуж за хромого шла Гефеста.

Ружью подобна зависть дурака,
и выстрел, грянув, будет неслучаен,
ведь поднялась же братская рука –
и Авеля убил завистник Каин.

Князья – не с неба, кровь их – как у всех,
они все люди, как бы ни грешили;
не удивляет то, что смертный грех
Адама с Евой дети совершили.

Убил благого Авеля злодей –
жестокий Каин, выгоды лишь ради,
и это так встревожило людей,
что отчий дом порой покинуть рады.

Такие не стираются дела, –
вам, как и нам, луна и солнце светят;
но, как и прежде, участь тяжела
тех, что на силу силой не ответят.

Такой позор рождён в наш тёмный век,
он и донине множится на свете –
насилием отравлен человек,
в отца и мать порой стреляют дети.

В ваш век достигли знаньем вы луны,
но сколько сорняков, ведь их не сеют, –
убийц, бандитов, пьяниц и шпаны,
что ни родных, ни близких не жалеют.

Поверь, таких заслали к вам не мы,
людской придав им облик на планете;
от вас самих несчастий ваших тьмы,
все нелюди, к прискорбью, ваши дети.

Ведь видел даже сам бог солнца Ра,
как дочь, Тефнут, попрала все, что свято,
в желаньях недозволенных быстра, –
и замуж вышла за родного брата.

Перебирая четками года,
отсюда видим, что у вас творится.
Пусть мудрость вас направит, как звезда,
обычай горской чести сохранится.

Нас удивляет многое у вас –
как можно от традиций отдалиться?
Мы не скрываем правду, и подчас
стыд за себя сжигает наши лица.

Коль старших ваши младшие не чтят,
судьба у них, считай, не состоится:
коль горский свой характер не хранят,
то званьем горца можно ли гордиться?

Молитвы шлёте камню до сих пор,
а древние обычаи – во прахе;
и от стыда за вас вершины гор,
к глазам сдвигают облака-папахи.

Пусть сгинет навсегда моя тамга,
я буду рада видеть эти пашни,
и жизнь, что отыскала берега,
и новый день, что лучше, чем вчерашний.

Пусть даже вы в богатстве и чести –
на вас посмотрят холодно и косо,
когда к себе лишь будете грести, –
калак * медовый так сгребает просо.

А без единства воду вам толочь,
просеивать одну золу придётся,
и светлый день ваш обратится в ночь,
сноха у вас в дому не уживётся.

И у себя мы видели богов,
которые лишь «мне» и знали слово,
а вы, узнав, что человек таков,
ему дорогу уступали снова.

Пускай огонь не гаснет в очагах!
Обязанность людей – здоровье века, –
кто б ни был ты, во всех своих делах,
не забывай о сути человека.

«Других унизив, счастья не найдёшь», –
из тьмы веков пришла к вам эта фраза,
а место по достоинству займёшь –
тогда и будешь ты ценней алмаза.

Без остановок время мчит вперед,
простор уму в исследованиях дайте,
но, тайн Вселенной уменьшая счёт,
вы и о нас, прошу, не забывайте...

---

* К а л а к – поварёшка.

...Когда-то вы топили кизяком –
глаза, привыкнув к чаду, не слезились.
Теперь ваш мир со взятками знаком –
вздыхаете, и к ним привыкнуть силясь.

На них растят в делах своих успех
богатые, всё в жизни нипочём им,
ведь взятка защищает даже тех,
кто белое назвать стремится чёрным.

А коли так, то руку мыть рука
продолжит... Это ваше выраженье –
пёс, что куснуть готов исподтишка!
Но времени ли это достиженье?

Дружили вы со знаньями всегда,
как дружат с солнцем зреющие травы,
так знайте же: такая же беда
являлась к нам, не ведая управы.

Богатый любит шкодить иногда,
он ждёт, чтоб всё несли ему на блюде,
но опускают очи от стыда
порой, лицом к лицу встречаясь, люди.

У добрых душ и ум всегда глубок,
разят их те, что бесятся от жира...
Просил Париса Зевс, верховный бог,
из трех богинь избрать богиню мира.

Как интриган, повел себя Парис
и, Афродите яблоко вручая,
прекрасную Елену взял как приз,
а это оскорбило Менелая.

Сегодня же за деньги даже смерть
того, кто досадил, купить возможно.
На это зло невысказанно смотреть,
и потому грядущее тревожно.

А впрочем, и у нас хватало зла,
мы каемся, а вовсе не таимся:
ведь нас губили эти же дела –
интриги, подкуп, злостное мздоимство.

Во всём мы схожи – ну, хотя бы в том,
что земли ваши издревле любили
и потому за золотым руном
корабль в Колхиду – «Арго» – снарядили.

Да, вы от нас ведёте свой разбег,
мы дали ход и нравственным калекам,
но, хоть богами создан человек,
он вечно остаётся человеком.

Мужчиной не становятся, пока
себя не испытают в состязанье,
но доля побеждённого горька –
и зависть в ней, и самобичеванье.

Раздоры очень трудно истребить,
они и нам дорогу преграждали;
стремления к богатствам не избыть
у тех, кто жаден, – истина нова ли?

Судить других мне права не дано –
и на Олимпе нет вражде предела...
Подумать только – яблоко одно
богинь между собой стравить сумело!

Сгорев, звезда закончит в небе путь,
но наших связей не могу не знать я:
в умении ковать, огонь раздуть
Гефест с Дебетом* суть родные братья.

Коль будем мы родство свое ценить,
то и в пространстве невообразимом
не оборвется между нами нить –
так схожи хромотой Гефест с Кязимом**.

Едины мы, хотя живем вдали,
и рады, если в славе, а не в сраме.
В камней тесаньи, в пахоте земли
от века вы прослыли мастерами.

Как паводок, вас в Азию унёс
поток судьбы, неумолим и страшен,
и не забыть нам горьких ваших слёз,
когда лишались вы камней и пашен.

И чёрная смородина в горах
вам, изгнанным, тогда вослед клонилась,
а наши боги, чтоб не множить крах,
во всем вам оказать старались милость.

На ваши скалы лился прежний свет,
никто из нас не слал на вас проклятье...
Народа, где плохих не сыщешь, нет,
но и плохих в беде не оставляйте.

---

* Дебет – бог кузнечного дела у балкарцев.

** Кязим – основоположник балкарской литературы.

К степям привыкнуть выросшим в горах,
конечно, трудно, – вам пришлось учиться,
а сёла ваши рассыпались в прах,
в садах творили воробьи бесчинства.

Твердите вы: безнравственность взяла!
Вам словно невдомёк сама природа.
От смертного богиня родила –
Эней же стал потом главою рода.

Жизнь вашу норовя пустить на слом,
про справедливость помнили едва ли.
Казалось, что Гоморра и Содом
без перемен к вам перекочевали.

Дух занемог, на обе хром ноги,
вы говорите с горечью и злобой.
В духовной тьме не различить ни зги,
надеясь на лучшее не пробуй.

С веками мир не сделался добрей,
его, как прежде, бедствия пронзают:
повсюду дети ищут матерей,
а матери детей своих бросают.

Как сорняки, безумные дела
повсюду прорастают неуклонно.
Энея Афродита родила,
но знала его близко лишь Дидона.

Все негодяи – братья-близнецы,
различным пусть причиной служат бедам;
но дела нет для жертвенной овцы,
какому из волков служить обедом.

Огромный дом построил фараон
Аменемхет, по счёту третьим бывший,
внутри всё так безбожно спутал он,
чтоб выхода не ведал посетивший.

Он огороды растоптал бы всем,
когда б до урожая мог добраться,
так думая: опричь меня, зачем
ещё кому-то досыта питаться?

Похожа на тот дом, на лабиринт,
неразбериха, в коей вы живёте.
За нынешнее многих обвинить
из тех придётся, кто сейчас в почете.

Бессильных сильный мучит без стыда,
судом грозя неправедным и скорым,
вы взяли эту моду – а тогда
зачем кивать на прошлое с укором?

Мы вырастали в гротах, мы темны,
от нас, конечно, можно ждать ошибок,
но вы же образованны, умны,
так почему же мир у вас так зыбок?

Не жалуйтесь на то, что мало вас,
ведь малое единым сделать легче,
и сильный не осмелится подчас
тех заирать, чьи монолитны плечи.

И, заклинаю вас я, никогда
не возводите дом Аменемхета, –
лишь мужеству даруется звезда,
что в благопожеланиях воспета.

Мы, даже электричества не зная,
брели во тьме, но вы не подражайте
разгульности Нероновых забав,
нам, выросшим в лесах, не подвигайте.

Теснятся люди нынче, как картечь,
вход запрещают всюду посторонним;
коль ближнего не будете беречь,
народ ваш быстро может стать Нероном.

Октавия Нерон родную мать
убить заставил – нет меж ним различья
и тем, кому на совесть наплевать,
кто чванится, народ свой быдлом клича.

Мы тоже знали разных гордецов,
но никогда того, что вы творите
не видывали, – вы ведь подлецов,
на свой народ поднявших руку, чтите.

И тот, кто бьёт, и те, которых бьют, –
родные братья. Нет среди тех свободных,
кто свой покой, достаток и уют
считает выше чаяний народных.

Немалый выбор есть среди дорог,
но, хоть пути людские и несхожи,
наложит на злодея кару Бог,
будь даже, как и мы, он богом тоже.

Кто кровь пролил, тот жаждет крови вновь,
его душа стремленьем к злу багрима.
Бурлила у Нерона в жилах кровь,
покуда не разрушил он пол-Рима.

Он жалости не ведал ни к кому –
не избежал затем и наказания;
верней, он сам навек ушел во тьму,
а это тоже требует признанья.

Теперь и ты взгляни вокруг себя:
не рядом ли октавии, нероны?..
Уходят с глаз все умные, скорбя, –
иные вам диктуются законы.

Коль мужество Нерон нашёл в себе
себя же покарать, то с Геростратом
иначе вышло – тот не жил в борьбе
с собой, в позоре нежась бесноватом.

Нет, перейдя во всем людской предел
и удержу мечтам слепым не зная,
он взялся за страшнейшее из дел,
как будто солнце погасить желая.

Семирамиды храм безумец сжѐг –
к нему презренье мы в душе устроим! –
и после преступленья долго мог
собой гордиться, мня себя героем.

Путь к славе застит множество преград,
но на глупца не сыщется управы:
огню предав святыню, Герострат
сполна затем вкусил позорной славы.

Тот храм не восстановлен до сих пор...
Всем тем из вас, кто будет мыслить здраво
и пламени не пустит на простор,
навек суждены почѐт и слава.

Нет славы тем, кто рад затмить луну
и солнце, на весь мир тая обиду.
Когда на Полумесяц ваш взгляну,
то тотчас вспоминаю Артемиду.

Ведь у неё, владычицы зверей,
короною являлся полумесяц,
что, с полнолунием делаясь добрей,
путь в жизни освещал нам, с неба свесясь.

На знамени зелёном мусульман
стал полумесяц символом ислама,
чтоб истина превысила обман
и путь людской шёл искренне и прямо.

Чтоб впредь насилью места на земле
не находилось, это знамя взвито,
оно – маяк, ведущий вас во мгле, –
из помыслов чистейших было свито.

Лишь в этом и находим мы оплот,
пусть даже отступаясь и калечась.
Кто чтит свою историю, народ,
тот ввек не опозорит человечность.

Считая так, ошиблись, видно, мы:
как камни, что несут шальные воды,
друг в друга бьют средь пенной бахромы, –
так друг о друга бьются и народы.

Мир без добра давно уж изнемог,
как без лекарств, иммунитет утратив.
Мы молимся, чтобы в дальнейшем Бог
поменьше слал на землю геростратов.

О, сколько раз делам добра обвал
препятствовал, не ведая управы!
Эней, Рим строя, славы не искал,
а Герострат сжёг храм святой для славы.

Вы говорите, что в горниле войн
калечатся и сиротеют дети,
но тем, кто только трон лелеет свой,
и дела нет, война им – все на свете.

Для пули безразлично, кто пред ней,
разит любого тупо, без усилий...
О том, каким героем был Эней,
писал в великом эпосе Вергилий.

Он был одной из звёзд былых времён,
такими мог бы век любой гордиться,
и поняла, что всех прекрасней он,
Дидона, карфагенская царица.

Взаимности, однако, не нашла –
над чувствами никто из нас не властен,
и тот, чьи восхищают нас дела,
на самом деле может быть несчастен.

Хоть был удар судьбы её остёр,
она не преклонилась пред судьбою:
сама взошла Дидона на костёр,
чтоб погresti любовь свою с собою.

«Мне тысячи чужих милее свой», –
слова Дидоны всем мужчинам мира
что оберег: они дают покой
в часы труда, сраженья или пира.

«Теплее солнца совесть», – рёк Эней,
что чист пред миром, как снега Эльбруса,
всегда возвысить рад он был друзей,
похвал чрезмерных избежав искуса...

«Ты за своим клочком земли смотри,
а на чужой не зарься улей с мёдом», –
так завещал всем горцам бог Тейри *,
и вот об этом помнить бы народам!

И будет пусть к добру народ готов,
и чтоб поменьше было в жизни жалоб,
и об уроках древности богов
всечасно помнить вам не помешало б.

1990–2000

---

* Те й р и – верховное божество у балкарцев.

СПЕЦИАЛЬНОСТЬ ДО ПРИЗВА – УЧАЩИЙСЯ

При вечерних сумерках в ущелье

Этот человек уже давно не встречает День Победы вместе со своими сверстниками, оставшимися в живых, которые, просыпаясь в предрассветной проседи раннего утра, сами не верили, что еще живы. Минуло уже 66 лет со Дня Победы. И он каждый раз до конца своих дней отсчитывал ход времени по этим дням, сравнивая их приход и уход со сменой дней и ночей, уверенный в том, что свет древнее тьмы и останется таковым. Человек этот оставался в тени, как сказал поэт, чтобы больше света падало на братьев по духу, по преданности общей Родине, по готовности защитить этот свет над зеленеющей травой ценою даже

своей жизни. И когда я смотрел на фотографию молодого солдата Мухтара Уянаева, то сразу возникали из памяти строки замечательного поэта Владимира Соколова:

Четвертый класс мы кончили в предгрозые,
Из пятого мы перешли в войну.

Запись в довоенной красноармейской книжке Мухтара Кызылбековича Уянаева в графе «Специальность до призыва» гласит: «Учащийся». Вполне логично, как я теперь понимаю, что даже и учащиеся значились какими-никакими, но специалистами-резервистами на случай войны. В конечном итоге вместе со всеми вынесли они на своих плечах всю окопную правду жестокой битвы, сражаясь за жизнь человека. А встретился я с бывшим за полгода до начала войны «учащимся» – солдатом Уянаевым Мухтаром, во второй половине 60-х годов уже прошлого века, когда начал работать редактором вновь созданной районной газеты «Колхозная жизнь» Советского (ныне Черекского) района КБР.

Предзимье 1968 года. Снега уже спустились с вершин в низины и теснины, и ущелья зябли под легким морозным ветерком с запахом снега. В тот день проходило районное совещание по поводу предстоящих на следующий день выборов в местные Советы депутатов трудящихся. Мне как члену бюро райкома предстояло побывать на выборах в Верхней Балкарии. Я сказал секретарю парткома колхоза «Советская Балкария» Мухтару Уянаеву, что прямо с вечера собираюсь к ним, чтобы, переночевав там, успеть к началу голосования. Он отпустил свою машину, и мы на редакционной тронулись в путь по теснине, уже плененной сумерками.

В верховьях Голубых озер, на спуске с небольшого плато, наша машина забуксовала, и ни с места.

– Что же теперь делать? – сказал я извиняющимся тоном Мухтару. – Ты бы давно был дома, если б не я...

Мухтар, делая вид, что не улавливает смысла моих слов, отвечает:

– А вот что надо сделать сейчас, чтобы не пострадало дело и мы вовремя были на месте: отпустить машину назад, в поселок, а самим двигаться вперед – осталось-то совсем немного. В войну в таких случаях долго думать времени не было. Решение принималось немедленно. Оллаха (его любимое слово), если мы будем долго думать, вообще доберемся только к утру...

Его уверенный тон означал, что рассуждения тут излишни, и мы пошли пешком, предварительно развернув машину и проводив шофера.

Я этого человека, высокого, статного, всегда улыбчивого (причем улыбаться начинали сначала глаза, а потом улыбка постепенно распространялась по его всегда излучавшему тепло лицу), знал давно, но в тот день впервые услышал от него рассказ о войне, на которой он побывал. Не любил мой спутник бравады и пустословия. На мой вопрос: «Ну и как там воевалось?» – он ответил, как отрезал:

– Война и есть война, а еще для всех людей была общей, просто доля там у каждого своя.

Вот об этой своей доле он и начал разговор, чтобы сократить долгую дорогу по серпантину ущелья до Верхней Балкарии. Он шел, слегка подавшись вперед, твердым шагом бывалого горца, запустив обе руки крест-накрест за спину под плащ, расстегнутый на все пуговицы. И рассказ о войне получался веселый, хотя и трагического, как оказалось, в его жизни было немало.

Справа от нас, глубоко внизу, шумел Черек Балкарский, слева высились скалы, мимо которых тянулась автомобильная дорога. А Мухтар рассказывал:

– Меня и еще восьмерых мальчиков из селения Шаурдат призвали в армию в сороковом после окончания восьми классов...

Так началась долгая, растянувшаяся на целых семь лет армейская судьба Мухтара Уянаева.

– В твои годы я... – заговорил было он, но тут же осекся, поняв, что завернул не в ту сторону.

Мне было года три, когда он, Мухтар Уянаев, был уже человеком, шесть с лишним лет отмахавшим в армейских сапогах по дорогам войны и послевоенной разрухи, прошедшим сквозь огонь и воду (но не медные трубы), перенесшим несколько ранений, из них – одно тяжелейшее, и каждый раз возвращавшимся в строй, доказывая этим верность дружбе и братству, боевому товариществу, а в итоге вернувшись не в свою родную Верхнюю Балкарию, а в далекий и чужой край – Казахстан. К тому времени ему было 26.

***

В самом начале службы он направляется в Виленское (ныне город Вильнюс) пехотное училище, по окончании которого в звании лейтенанта назначается командиром строительного взвода. В этой должности Мухтар Уянаев

и встретил войну. Еще в пехотном училище он сдружился с русским парнем Пановым и украинцем Карпенко: их кровати стояли рядом в казарме – они вместе прошли всю войну.

Когда немцы приблизились к Смоленску, взвод Мухтара Уянаева в составе Западного фронта наводил мосты через малые и большие реки, тем самым помогая укреплению обороны наших войск и способствуя продвижению их к заветной цели. В один из дней взвод попал под бомбежку, во время которой Уянаев был тяжело ранен. Взводным остался Карпенко, а Панов на спине тащил раненого командира несколько километров в тыл, в санчасть. А командиру тому шел только 19-й год!

Панов, вынося из-под бомбежки на спине раненого Мухтара, повторял вслух: «Держись, командир, не подведем! Держись, командир, не подведем!»

И не подвели, и не подводили в последующем эти ребята ни друг друга, ни однополчан. И, как впоследствии часто говорил Мухтар Уянаев, ни с чем сравнить нельзя дружбу, проверенную в фронтовых условиях. Ей, этой дружбе, он оставался верен до конца своих дней, как и служебным обязанностям после войны.

И все же – безвинно виновный

Через много лет после войны, будучи уже семейным и при детях, Уянаев прочитал стихотворение К. Кулиева «На Сиваше». Больше всего врезалась ему в душу строка: «Живыми мостами мостили Сиваш», потому как он представил свою «работу» строителя-мостовика на войне, дрожь пробрала всего... Не любил солдат говорить о тех трагических днях, боевых дорогах фронтовых.

Когда за обеспечение наступления роты, а затем и всего полка через безымянную реку Мухтар Уянаев получал орден Отечественной войны I степени, он виновато смотрел в лица своих товарищей, но в них не прочитал укора, а была только радость за своего командира, и сердце его наполнилось гордостью. Так было и тогда, когда он

получал медаль «За отвагу», которой, как известно, награждаются непосредственные участники театра военных действий за личное мужество. А потом были еще медали «За Победу в Великой Отечественной войне», к юбилейным датам Победы.

Многие награды находили его и после войны. Служил ведь он вплоть до конца 1946 года. Как я говорил, оказавшись в Казахстане, он глубоко осознал, говоря словами Кязима, что «обозляться на страну нельзя». И молодой Мухтар выучился на тракториста, позже – на механика, стал работать в Шушенском районе Кокчетавской области. Бывалый солдат, но молодой еще человек, и здесь остался верен себе – к порученному делу относился так же ответственно, как к военным обязанностям. Чувство долга ему не изменяло никогда. Спецпереселенец, однако он стал участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки достижений народного хозяйства СССР и был награжден медалью «За освоение целинных земель».

Инвалид второй группы, он об этом никогда не говорил, не требовал для себя ни льгот, ни снисхождений.

А как его упрашивали остаться в Шушенском районе, когда со всеми балкарцами он засобирался на родину! Но Уянаев Мухтар Кызылбекович прекрасно знал, что «не то место дорогое, где ты сытно живешь, а то, где ты родился». По приезду на родину Мухтар сразу же приступил к восстановлению своего села в должности секретаря партийной организации колхоза им. Асанова, позже – колхоза «Советская Балкария». Был председателем колхоза «Сукан-су», директором райзаготбазы, начальником механизированного отряда республиканского объединения «Сельхозхимия». В те же годы окончил агрономическое отделение сельхозфака КБГУ.

Всегда был в гуще общественной жизни. Принимал близко к сердцу проблемы молодежи. Он стал одним из самых убежденных защитников, когда в начале 90-х годов решался вопрос быть или не быть миру и стабильности в республике, хотя обладал удивительной способностью незаметно уходить в тень, когда нужно было высветить заслуги других. А о войне! Как он рассказывал о войне: улыбка не сходила с его лица, он к тому же любил подкреплять свои военные байки словами «правду говорю, оллаха!». Мы, дети войны, делали вид, что на ней весело, хотя хорошо знали, что там веселого было мало.

Скромная гордость

Человек дела, он создал прекрасную семью, вырастил замечательных детей, становление личности которых, к счастью, успел увидеть. Да, он взрастил свой плодоносящий сад. Дочь, Амина Уянаева, долгие годы работала советником президента республики по социальным и

экономическим вопросам. Она – заслуженный экономист России, сын Руслан – полковник милиции, кандидат юридических наук, заслуженный юрист России, Алий – подполковник милиции, сыновья Канамат и Ибрагим трудятся в различных сферах экономики нашей республики. Вот во что вылилась скромная гордость Мухтара Уянаева и ныне здравствующей матери его детей Кизийки Уянаевой (в девичестве Ульбашевой).

...Так и шли мы с ним в тот вечер по серпантинам предзимнего Балкарского ущелья, овеваемые ветром сумерек. Рассказывал он веселые байки из жизни, не говорил лишь о своих ратных делах, а были они у него геройские, о чем я хорошо знал. Здесь же я лишь добавил несколько штрихов к портрету солдата, которые почерпнул из документов, бережно хранимых его детьми и полной достоинства, скромной супругой.

День Великой Победы встречают ныне еще живые, но согбенные под тяжестью времени солдаты Победы. Не хватает, как они говорят, до полного комплекта Мухтара Уянаева, хотя они не раз смотрели смерти в глаза, поднимаясь вслед за командиром роты в штыковую атаку и видя, как при этом редели их ряды. И не скудеет, как та же молитва, в их сердцах стихотворение поэта-фронтовика Василия Субботина «Бранденбургские ворота»:

Не гремит колесница войны.
Что же вы не ушли от погони,
Наверху бранденбургской стены
Боевые немецкие кони?
Вот и арка. Проходим под ней,
Суд свершив справедливый и строгий.
У надменных державных коней
Перебиты железные ноги.

Время делает свое дело. Только мы, живущие сегодня, особенно – дети войны, должны помнить их поименно, говоря словами поэта, передавать эти воспоминания вслед идущим. Это так сегодня необходимо, когда яростно атакуют нашу Победу разрушители страны, пытаясь вычеркнуть ее даже из школьных учебников истории.

Меня всегда удивляло и удивляет до сих пор то, как они, по сути – только начинавшие понимать жизнь молодые люди, выдержав нечеловеческую тяжесть самой жесточайшей из войн, когда-нибудь произошедших на Земле, при этом остались психически уравновешенными, как Мухтар Уянаев, способными создавать семьи и воспитывать детей.

И мне понятен сегодня их девиз, изложенный в строках стихотворения Михаила Луконина:

Но лучше прийти с пустым рукавом,
Чем с пустой душой.

И вот они, оставшиеся в живых, пришли не только не с опустошенной душой, но и с ярым желанием строить и жить. Так они и поступали. Тот же Мухтар Уянаев, о ком сегодня речь.

И сегодня, по прошествии 66 лет после Победы, нам, испытавшим все блага Победы, грош цена, если мы не будем уважительно относиться к памяти о них, и с любовью не относиться к живущим еще фронтовикам.

В моих мыслях и памяти имя Мухтара Уянаева пребывает неотлучно. Ибо я один из тех детей войны, отец которого не вернулся с кровавых полей войны, и 97-летняя мать которого все глядит на дорогу, по которой он уезжал на пароконной колхозной бричке, свесив ноги, оставляя на память только любящий взгляд.

А вот он и его семья:

А ВОТ ЕГО СЕМЬЯ:

1

На распутье стоит
Человек на заре,
Гнетёт его раздумий
Тяжесть.
По одной –
Путь прямой,
По другой –
Через горные кряжи.
На подходе сосед,
Держит путь он туда же,
Из теснины сквознячок
Уже тянет,
По одной ты пойдёшь,
Путь извилист и дальше
По другой –
Человек не устанет.
Зашагал мой герой
Налегке, без приседа
По крутой по тропе,
По ухабистой,
Уступив безопасную
Тропку соседу,
Не было к лести
У Мухтара слабости.

Это было потом,
А до этого было:
И окоп на войне,
И голодухи тиски:

Из-за парты он встал,
(и тот день не забыл он),
Приказали: на фронт,
Он укрытий
В тот раз не искал.
И без слёз говорил
Кызылбек так юнцу:
«Храбрость и доброта
Горца суть на земле,
Будь носителем их –
Это есть дар отцу,
Будь носителем их,
Это свет и семье.
Будапешт. Мир озяб
В зимней зыби утра.
Ранен венгр-солдат,
Снег от крови шипел;
Тут разделся Мухтар,
На голое тело – шинель.
Человек, повидавший
Слишком много утрат,
Разорвал он рубашку,
Спас солдата Мухтар.
Ни звезды, ни луны
Не просил он себе:
Его сердце привыкло
Принимать друга боль
Боль людей на земле.
Бойко бьётся ручей
О звонкую гальку на дне.
Мухтара воловьих
Глаз лучи –
Мажорный напев

И в тебе, и во мне.
Тому много лет
Изрёк балкарский мудрец,
С умилением
Глядя на пашню:
Сына Человеком
Взрастивший отец
Большого не просит
Себе от Бога счастья».

2

А ещё тот мудрец
Написал на скале,
Толкуя природу народа:
«Тот, кто родимой
Служит земле,
Бесспорно –
кавказской породы»,
Молния скрыта
До срока от глаз,
Солнца жар
За горами покуда,
Не скроет от сына
Серая мгла
При напасти
отцовскую удаль.
Без слов надо знать
Что хочет отец,
Каков он при деле,
Уж так повелось.
То знает в гнезде
Ещё тёплый птенец –

Сокол в пору так
Ставит соколят
На крыло.
Если чисты снега,
Не грозят нам обвалы,
Вот тогда нам – отцам
И не стыдно сесть.
Это радость всегда
И солдатам бывалым:
Будь покоен, Мухтар, –
Твой Русланчик – в седле.

3

Никто ему в душу
Не заглядывал,
У Мухтара своя
Была сметка:
«Если дочь, то Аминат, –
Он загадывал, –
И умом она, в мать,
Будет светлой».
Никто ему в глаза
Не заглядывал,
А глаза у Мухтара
Лучились:
«Имя матери пророка
загадываю...
Так и есть.
И душой, как она,
Будет чистой!»
Сердцем был он
В ладу с небесами,

Услышан был его
Тихий глас,
Теперь вот,
Как видите сами,
Светлой души Аминат
Среди нас.
Природа далека
От пророчеств,
И желания не
Любит менять:
Родилась Мухтаровна
По отчеству,
С именем пророческим
Аминат.
В доброте ей
Не откажешь никак,
Светлый лик
От души у неё.
Как же рада родня:
Точь-в-точь Кызыйка
Светлолицая
Дочка её.

4

Преподала она
Дочке жизни азы,
До луны поднимал
Её старый солдат,
Свидетели есть:
Пресвятой Раубазы*

---

* Дерево, которому поклонялись верхнебалкарцы во времена язычества.

Колыбель краснощёких
Яблок Шаурдат *.
И теперь она есть
Эдельвейсам сестра,
И восход у неё
Всё ещё впереди...
И душою богата,
Глазами остра,
Она – доктор души,
Боль души ей доверь.
Иди!

Подстрочный перевод автора

---

* Родовое селение героев этих стихов.

СОДЕРЖАНИЕ

Ребёнок греется у Вечного огня	5
Погибшим на войне	6
Как сны приходят павшие отцы	7
В лунную ночь	8
Не стреляй в рябину никогда	10
На берегу Дона	11
Остановись!	13
Гарсия Лорка	14
Белая береза	15
Обращение к отцу	16
Второе обращение к отцу	19
Аба, испугала ты нас!	26
Святое заклинание матери	48
У памятника Пушкину	50
Камень	52
«Огромная безгласная страна...»	53
«На мой народ обрушилась беда...»	54
8 марта 1944 года	55
Кинжал	56
Сон кизилового дерева. 1944	57
Бежит река	58
Товарный вагон	59
Гоппан	60
«Кружится снег и тает...»	61
«Орешины на склонах расцвели...»	63
«Вот и еще один день миновал...»	64
День Победы	65
Ров	68
Заклинание моей бабушки	71
Пасмурный день в Смоленске	73
Слюна	75
Самое страшное	76
Вступление к «Книге моей боли»	77
Красное солнце заката	79
Голоса	81
Хранитель леса (современная сказка)	84
Четыре яблони (поэма)	98

Алим	127
Базар	138
Глоток воды.	139
До, во время, после войны	140
Хмурое небо	144
Первая чеченская (поэма)	158
Святой Кавказ (поэма)	171
Уроки богов (поэма)	192
Специальность до призыва – учащийся	222
А вот его семья	231

Литературно-художественное издание

Салих Гуртуев

РЕБЕНОК ГРЕЕТСЯ У ВЕЧНОГО ОГНЯ

Дизайнер В. И. Мартынова
Технический редактор Т. В. Демьяненко
Компьютерная набор и верстка А. С. Бозиевой
Корректор И. А. Хомякова

Сдано в набор 27.01. 2015. Подписано в печать 25.02. 2015.
Формат 70x100 ¹/₃₂. Печать офсетная. Гарнитура Myriad Pro.
Бумага офсетная. Усл. п. л. 9,75. Тираж 500 экз. Заказ № 9

ООО «Тетраграф»
360000, КБР, Нальчик, пр. Ленина, 33

ISBN 978-5-00066-062-1

9 785000 660621